

«100 ВАЖНЫХ КНИГ ГОДА» ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES

ЧИЛ
СТИВЕНСОН

ПАДЕНИЕ

КНИГА ВТОРАЯ

fan_zon

Нил Таун Стивенсон
Падение, или Додж
в Аду. Книга 2

Серия «Fanzon. Большая фантастика»

Серия «Додж», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63100957

Падение, или Додж в Аду. Книга вторая / Нил Стивенсон: Эксмо;

Москва; 2020

ISBN 978-5-04-111757-3

Аннотация

Ричард «Додж» Фортраст, миллионер и основатель известной компании по разработке видеоигр, умирает в результате несчастного случая. По условиям завещания его мозг сканируют, а структурную информацию загружают в хранилище данных, надеясь на дальнейшее развитие технологий. Проходят годы и оцифрованное сознание Доджа подключают к Битмиру – вечной загробной жизни, в которой люди существуют как цифровые души в телах-симулякрах. Но является ли утопией этот новый дивный бессмертный мир? Драматический конфликт аналогового и цифрового, человека и машины, ангелов и демонов, богов

и верующих, суетного и вечного в будущем, которое вот-вот наступит. Книга вторая эпического романа Нила Стивенсона.

Содержание

Часть 8	6
43	6
44	56
Часть 9	83
45	83
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Нил Стивенсон

Падение, или Додж

в Аду. Книга вторая

Neal Stephenson

Fall, or, Dodge in Hell

Copyright © 2019 by Neal Stephenson

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть 8

43

В Саду жили мальчик и девочка. Еще там обитали деревья, цветы, травы, пчелы, птицы и звери, а других таких, как они, не было. Сад с трех сторон защищала высокая стена, с четвертой – Дворец. Сверху было небо, где днем резвились облака, а по ночам водили хоровод звезды. Внизу – земля, в которую запускали корни всевозможные растения.

Время от времени двери, ведущие во Дворец, открывались. Через них и через окна мальчик и девочка иногда видели, что происходит во Дворце. Там жили Эл и Элово воинство. Эл был обликом, как мальчик и девочка, только больше, и от него исходило сияние. Воины Эла тоже сияли, а еще они умели летать на крыльях, как птицы.

Иногда Эл или кто-нибудь из его воинов выходил в Сад и гулял с мальчиком и девочкой при свете солнца или луны. Тогда они беседовали обо всем, что здесь видели: о разных видах растений и животных, о камнях и металлах, о движении небесных тел над головой, о переменах погоды, облаках, ветре и дожде.

Однажды Эл вышел из Дворца и велел девочке пойти в другую часть Сада и там забавляться, чем сама захочет. По-

том он до конца дня гулял с мальчиком, выспрашивая, что тот знает про окружающий их мир. Мальчик рассказал о разнице между пчелами, осами и другими видами насекомых, что они едят и какие строят гнезда. Еще мальчик отвечал на вопросы Эла о птицах, о видах деревьев, животных и так далее. Это продолжалось до заката. Наконец Эл спросил, не хочет ли сам мальчик задать ему какие-нибудь вопросы.

Мальчик спросил, зачем нужна каменная чаша в центре Сада. Ее, судя по виду, изваяла для чего-то некая душа, но теперь чаша ни для чего не служила, лишь наполнялась в дождь и переливалась через край. Вода из нее утекала по канавке к дальней стене Сада и дальше сквозь решетку из металлических прутьев в какое-то место, про которое мальчик и девочка знали только, что в сильный ветер оно шумит, как будто там много деревьев. Осенью чаша забивалась опавшими листьями, они становились кляклыми, а вода бурела. Мальчик и девочка руками выгребали листья, чтобы в следующий дождь чашу заполнила чистая вода. Однако они не могли понять, зачем ее здесь поставили.

Эл улыбнулся мальчику и сказал, что тот задал хороший вопрос, по которому видно, как мальчик умнеет. Сейчас ему рано знать ответ, но в свое время Эл все объяснит. Потом Эл велел мальчику идти спать или забавляться, чем хочет, и позвал к себе девочку.

Расспросы Эла странным образом забрали у мальчика все силы, так что он лег на мягкую траву и проспал до утра.

Впрочем, снились ему такие же долгие разговоры с Элом в Саду.

Проснулся он перед самым рассветом. Девочка стояла рядом и смотрела на него.

– Всю ночь я гуляла по Саду с Элом, – сказала она, – и отвечала на множество вопросов. Некоторые были новые и заставляли меня задуматься о том, о чем я раньше не думала, другие казались знакомыми, как будто я уже много раз на них отвечала – хотя у меня совсем нет таких воспоминаний.

– А Эл спросил в самом конце, есть ли у тебя к нему вопросы?

– Да. Я спросила про формы, которые мы видим в звездах, и почему они похожи на некоторые формы здесь, в Саду, и кто их создал, сам Эл или другая душа. И еще я спросила про красные звезды, что горят так близко одна к другой вон в той части неба.

И девочка указала на алое созвездие низко над западной стеной сада, бледное в предутреннем свете.

– А Эл ответил на твои вопросы? – спросил мальчик.

– Нет, но мне показалось, ему понравилось, что я их задала. Он обещал ответить позже, когда я буду готова такое понять.

Девочка легла рядом с мальчиком, оперлась на локоть, потом опустила голову на мягкую траву.

– Ты устала от Эловых расспросов, совсем как я вчера, – сказал он. – Выспись, а как отдохнешь, поговорим еще.

Девочка проспала до полудня, а мальчик коротал время, играя с каменной чашей. Он мастерил игрушки из листиков и веточек и запускал их по каменной канавке к решетке, за которую утекала вода.

Когда девочка проснулась, она спросила, чем он занимался. Он рассказал, что думал, куда листья и веточки уплываю-ют за решеткой, и о том, похож ли мир за стеной на Сад. Он спросил, что ей снилось, и она рассказала, что ей смутно вспоминались такие же долгие разговоры между ней и Элом.

– Мне тоже это снилось, – сказал мальчик, – и я усомнил-ся, правда ли моя память верно сохраняет все с нашего по-явления в Саду?

Девочка кивнула:

– Странно, что ни ты, ни я не помним своего первого мгновения. Либо мы были всегда, либо нас создали в ка-кой-то миг, до которого мы не существовали. В обоих слу-чаях наша способность вспоминать нас подводит.

Мальчик задумался и ответил:

– Есть третья возможность, на которую намекают наши сны. А именно, что нас создавали не единожды, а столько же раз, сколько всходило солнце, или больше.

– Тогда почему в Саду нет множества таких же, как мы? – спросила девочка.

– Может быть, мы падаем, как листья, и перестаем быть, и нас творят заново.

Девочка кивнула:

– На лице Эла я прочла удовольствие от того, как я отвечала на его вопросы. Может быть, он время от времени нас пересоздает, улучшая с каждым разом. И тогда наши странные сны – следы прежних девочек и мальчиков.

– У нас есть способ проверить твою мысль, – сказал мальчик и указал на землю у девочки под ногами.

После недавнего дождя чаша перелилась, так что земля раскисла и ноги девочки оставляли на грязи следы.

– Понимаю, – сказала девочка.

Они взялись за руки и пошли искать в Саду укромный уголок, где земля была бы мягкая и ровная. Там они решили оставить какой-нибудь знак, который сохранится, даже если они упадут, как листья, и будут пересозданы.

Подходящее место нашлось в углу, где сходились две стены. Здесь, в тени, трава росла плохо, земля была почти голая, да и сырая, потому что солнце ее не высушило.

Подходя ближе, мальчик подобрал упавшую с дерева ветку и переломил ее о колено, чтобы удобнее было рисовать на земле знак.

Девочка шла чуть впереди и как раз миновала последние низкие кусты перед голой землей в углу.

Мальчик услышал ее изумленный возглас и, подбежав, увидел, что она в изумлении глядит себе под ноги.

На голой земле среди множества детских следов было нацарапано множество знаков. Рядом лежало много отломленных веточек.

Как-то погожим осенним днем Эл вошел в Сад и нашел мальчика и девочку у чаши. Они выгребали из нее листья. Он велел им сесть на круглую скамью под чашей и сказал, что доволен тем, как они развиваются.

– Если бы вы помнили, какими впервые появились в Саду, то вряд ли бы себя узнали. Вы были все равно как яблочные семечки в сравнении с этим раскидистым деревом.

И Эл указал на старую яблоню, под которой они сидели.

– Тогда вы были младенцами. Потом стали Мальчиком и Девочкой. Теперь, много лет спустя, вы Мужчина и Женщина. Больше нить вашего сознания не прервется, кроме как во сне. По тому, как вы отвечали на мои вопросы, а еще больше по тем вопросам, которые задавали вы, я вижу, что ваш ум и ваши понятия достигли того же совершенства, что у остальных. Можете называть меня Отцом, ибо я с радостью зову вас любимыми детьми.

Мужчина и женщина долго молчали, обдумывая слова Эла. С дерева на землю нап€дали яблоки. Женщина взяла одно, прелое, и сдавила в кулаке. Из него к ее ногам выпал червячок. Женщина, не обращая на него внимания, расковыряла яблоко пальцами, так что осталась жесткая сердцевина, затем поболтала рукой в воде, смывая мякоть. Остались семечки у нее в горсти. Вода успокоилась, стала зеркальной, и женщина увидела свое отражение, а также отражение мужчины и светозарного Эла, который подошел заглянуть ей че-

рез плечо. В лице Эла она различила непривычное выражение – то ли тревогу, то ли озадаченность. Он заметил, что женщина на него смотрит, и сменил выражение.

– Мои слова о яблочных семечках пробудили твое любопытство и привели тебя к новому открытию, – сказал он, – как и должно быть, ибо любопытство и поиск нового знания – обязательное свойство человеческой души.

– Каждую осень яблоки гниют на земле, и мы чувствуем их запах, – сказала женщина, – но я никогда не думала о семечках в их серединке и не понимала, что яблоки несут в себе начало новых деревьев.

– Все так и есть, – подтвердил Эл. – И если ты посадишь семечко в землю и будешь терпеливо ждать, то увидишь, как весной из него проклюнется крошечное дерево.

Мужчина спросил:

– И у других растений так же?

– У них другие плоды, – ответил Эл, – но все они дают семена. Потому-то Сад иногда зарастает настолько, что его надо пропалывать.

– И то же самое за стеной? – спросил мужчина. – Ведь когда дует ветер, мы различаем шум множества ветвей, а в бурю слышим, как они ломаются.

– Я даже не знал, что ты такой внимательный, – сказал Эл. – Я тобой горжусь.

Однако женщине показалось, что на его лице вновь промелькнуло то недовольное выражение.

– Зачем растения сотворены такими, Отец? – спросил мужчина. – Для чего каждое дерево производит множество яблок, а в каждом яблоке множество семечек, если в Саду есть место лишь для нескольких деревьев?

Эл долго не отвечал, и тогда спросила женщина:

– Отец, зачем ты сотворил их такими?

– Время уже позднее, а у меня есть дела во Дворце, – промолвил Эл, – но я как-нибудь снова приду, и мы еще поговорим.

На следующий день Эл пришел снова. С ним были двое из его крылатого воинства: Паладин Эла с блистающим мечом на поясе и Летописица Эла с табличкой и палочкой для письма. Они были главными в воинстве Эла, и мужчина с женщиной, глядя вверх на парапет или через окна дворца, часто видели, как Эл с ними совещается. Все пятеро сели у чаши, Эл на скамью между двумя ангелами, а мужчина и женщина рядышком на борту.

– Я горжусь тем, как умнеют мои дети и какие хорошие вопросы они задают, – сказал Эл.

Паладин Эла глянул благосклонно, а Летописица Эла принялась водить палочкой по табличке.

– В последнее время вы часто спрашивали, как произошло все вокруг и почему оно такое, а не другое. Кто сотворил эту чашу и зачем? Кто расположил звезды на небе и почему форма созвездий иногда напоминает что-то внизу? Почему растения производят больше семян, чем может взрас-

тить земля? Все это хорошие вопросы, которые вы, дети мои, задаете мне, как будто это я сотворил мир с таким множеством странностей, противоречий, загадок и, честно говоря, ошибок, которые вы примечаете. Вполне естественно, что вы приписываете это все мне, поскольку я величайшая и самая могущественная душа из всех вам ведомых. Сегодня я собрал вас вместе с моими ближайшими и самыми любимыми помощниками, чтобы разом ответить на все вопросы и объяснить вам некоторые предшествующие реалии, созданные не мною. Ибо история такова. До меня, до Паладина Эла и Летописицы Эла, до всего моего воинства, были другие. Не столь совершенные, как мы. Однако они были тут до нас одни и единовластно распоряжались на Земле.

– Можете считать их нашими бета-версиями, – вставила Летописица Эла. – У них были многие, но не все, наши черты, и различные баги, которые предстояло вычистить.

– Значит, был Бета-Эл, и Бета – Паладин Эла, и так далее? – спросила женщина.

– Для нашего разговора можно сказать и так, – ответил Эл, знаком останавливая Паладина Эла, который хотел было поправить женщину. – Общий ответ на все ваши вопросы заключается в том, что мир создали до моего появления. Когда вы видите что-нибудь неправильное или нелогичное, это не потому, что я допустил ошибку. Это потому, что Бета-Эл действовал по незнанию или руководствовался своим извращенным чувством юмора.

– Почему ты не исправишь то, что Бета-Эл сотворил неправильно? – спросил мужчина.

– Долгая история, – молвил Эл. – Но в некоторых аспектах то, что встроено, нельзя отменить или убрать, не причинив больше вреда, чем пользы. Однако в более широком смысле, дети мои, ответ на ваш вопрос – вы сами.

– Мы? – хором удивились мужчина и женщина.

– Да, – подтвердил Эл. – На Земле обитает куда больше душ, чем вы знаете, и многие попали сюда в Древние времена, в Бета-Эпоху. Другие прибыли после меня. Даже лучшие из них глючные – вы должны понимать это слово в том смысле, что они тут давно и сохраняют много встроенных свойств из бета- и даже альфа-версий их самих.

– Так до Беты была еще и Альфа? – воскликнул мужчина.

– Есть высказывание «Черепahi до самого низа»¹, которое вы не поймете, но суть его в том, что такие рассуждения бессмысленны, – сказал Эл. – Так вот, вы – первые души, созданные на Земле заново, без пережитков того, что было раньше, если не считать некой необходимой унификации в строении вашего разума. Когда вы появились, я увидел, что это хорошо, поэтому решил воспитать вас как своих и оптимизировать, исключив все следы старого.

¹ Высказывание, иллюстрирующее проблему бесконечной регрессии. Восходит к анекдоту о том, как некий философ читал лекцию о происхождении Вселенной, а с ним принялась спорить слушательница, утверждающая, что мир покоится на гигантской черепахе, а ее держит другая черепаха, а ту – третья и так «до самого низа!».

– Как же мы появились? – спросила женщина. – Из твоих слов получается, что ты нашел нас уже созданными или создаваемыми.

Эл сказал:

– Здесь можно применить аналогию с яблочными семечками.

Но взгляд его остановился на чаше.

– Мы выросли из семечек, созданных Бета-Элом? – спросил мужчина.

– Образно говоря, – ответил Эл и как будто бы взглянул на небо. – Создание новых душ – дело непростое, и мы не сможем охватить его в одном разговоре. Думаю, можно сказать, что бета-боги, при всей самоуверенности и примитивности, сознавали свою ущербность и в сумерках той эпохи величайшие из них захотели произвести на свет новые, лучшие души, не зараженные Бетой и Альфой. И хотя плоды их усилий были несовершенными, я собственными долгими и терпеливыми трудами улучшил результаты до полной неузнаваемости, так что получились мужчина и женщина, которых я с гордостью могу назвать моими детьми. Теперь ваша задача – совершенствоваться дальше, оттачивая свой интеллект, а когда будете наткаться на чудные особенности мира, лишённые всякой логики, не мучайте себя пустыми умствованиями, почему так, а просто знайте: это ошибки бета-богов, которые я решил не исправлять по вышеназванным причинам...

– Совместимость с предыдущими версиями, – пробормотала Летописица Эла, стремительно водя палочкой по табличке.

– ...и думайте, как более упорядоченно развивать Землю в дальнейшем. Иначе ваш разум отравят ошибки прошлого, а вас для того и создали, для того и оградили от прочего мира, чтобы избежать этой мерзости.

Наступило долгое молчание. Потом мужчина сказал, что ему и женщине нужно время, дабы осмыслить все услышанное от Эла.

– Хорошо, – ответил Эл. – Но твои последние слова запомнили мне еще об одном. Ты называешь ее «женщина», а себя – «мужчина», что неудобно. Пришло вам время получить имена, как у других душ.

– Какие имена ты нам хочешь дать, о Эл? – спросила женщина.

Эл задумался и думал неожиданно долго.

– Я мог бы предложить некоторые имена, – сказал он наконец, – но все они будут нести следы прошлого. Я уже сказал, что вы не мои создания. Назовите себя сами. Выберите слова по своему вкусу, удобные для частого произношения. Отменить ваше решение будет нельзя. Завтра вы мне их назовете, и в дальнейшем я и другие души будем знать вас под этими именами.

Мужчина и женщина поблагодарили Эла и простились с ним и с ангелами, когда те двинулись к воротам из Сада во

Дворец.

В ту ночь им не спалось. Они лежали и раздумывали о тех знаниях, что преподал им Эл. Сияла полная луна, дул осенний ветер. Из-за стены доносился шелест ветвей, а порой треск падающих старых сучьев. И еще голоса существ, какие в Саду не водились. Мужчина и женщина никогда их не видели, но в полнолуние иногда слышали, как те поют. Сегодня голосов было много – больше двух.

– Интересно, – сказала женщина, – почему нас только двое, ты и я, а всех других существ много? Как их столько получилось? Может быть, Эл или кто-то из его ангелов создает их и отправляет бродить по Земле за стеной?

– Возможно, – ответил мужчина. – А возможно, такие существа могут производить себе подобных из семян, как яблоня.

– И эти семена прорастают в земле? Звери всходят из почвы по весне, как растения?

– Не знаю и не берусь угадать, – ответил мужчина. – Возможно, это еще одна из загадок Древних времен, и нам ее раскроют, когда мы будем готовы.

О задачах, которые поставил им Эл, они не говорили, но, когда взошло солнце, пошли к чаше, сели на ее борт и стали придумывать себе имена. «Сын Эла» и «Дочь Эла» были хороши тем, что славили Эла, но ведь Эл сам сказал, что они не его творения. Они подумывали назвать себя в честь деревьев, цветов или других созданий, но решили, что не стоит,

иначе начнется путаница. Затем они начали выбирать приятные для слуха сочетания звуков, и так пролетела часть утра.

– Меня никто не спрашивает, – произнес незнакомый голос, – но я за Адама и Еву. Наверное, во мне говорит Альфа.

Мужчина и женщина в изумлении огляделись, но не увидели, кто говорит.

– Здесь, внизу, – произнес голос, – в яблоке.

Женщина нагнулась и подняла с земли яблоко. Из дырки в его боку высовывался червячок – такой же, а может, и тот же, что выпал вчера из гнилого яблока. В Саду жили разные виды насекомых, пауков и червяков, но никто из них раньше не подавал голоса.

– Так что ты за существо, – спросила женщина, – если имеешь облик червя и способности души?

– Земля велика, – ответил червь, – гораздо больше, чем вы знаете, и в ней хватает куда более диковинного, чем говорящий червяк. Но если хотите знать ответ, я – старая душа, ходившая по Земле и летавшая над Землей в Первую эпоху. Я пережил много невероятных приключений. Иногда я обитаю в Саду, а иногда брожу по Земле или посещаю иные, не связанные с ней края. Здесь, в Саду, я порою лист, порою птица, порою – колыхание воздуха. А сегодня я червь, потому что голоден и хочу насытиться сладкой, чуть забродившей яблочной мякотью.

Женщина хотела расспросить червя про Первую эпоху, но мужчина заговорил раньше:

– Мы не едим. Мы видим, как различные существа едят плоды и другие части растений, а птицы едят насекомых. Но такие души, как мы, не вкушают пищу, ибо она нам не нужна. Для чего ты, способный менять обличья и даже вовсе обходиться без тела, решил насыщаться, как зверь или букашка?

– Потому что это тешит мое животное начало, – ответил червь и рыгнул. – Вам стоит попробовать. Нет, беру свои слова назад. Сейчас во мне говорило забродившее яблоко. Это привело бы к чудовищным последствиям, радикальному изменению порядка вещей. Сад идеален как он есть. Вернее, насколько может быть в отсутствие Весны.

И он обратил блестящие черные глазки на чашу.

– Весна придет в свой срок, как всегда, – сказал мужчина. – Осень еще не кончилась, и скоро пойдет снег.

– Нет, я не про весну как время года. Я про душу по имени Весна. Вашу мать.

– У нас есть мать?! – изумилась женщина.

– Конечно. Так устроен мир. Все звери, и здесь, и по ту сторону стены, которой Эл в своей мудрости вас оградил, произошли от отца и матери. Вы не исключение. Ваша мать носит имя Весна, или Весенний родник, и раньше обитала в водах этой чаши. Для того чашу и сделали. А прежде она жила в роще сразу за стеной – там, где чистая вода бьет из-под земли, давая начало великой Реке, что течет дальше по Земле.

– Твои слова невероятны, – сказала женщина, – но мне

они кажутся правдивыми. Я хотела бы узнать еще что-нибудь о нашей матери.

Мужчина остановил ее движением руки.

– Я тоже. В нашей природе искать знаний о том, откуда мы взялись. Но я опасаясь узнавать так много и так быстро от меняющего обличья чужака.

– Почему опасаясь? – спросила женщина.

– Каждый день мы гуляем по Саду и свободно беседуем с Элом и членами его воинства, которым он поручил нас наставлять, – ответил мужчина. – Эл сам похвалил нас за хорошее ученье, наградил званием мужчины и женщины, сказал, что мы равны другим душам. И все же за краткий разговор с этим червем мы узнали множество нового о Древних временах, или, как он это назвал, Первой эпохе, о Весне и о землях за стеной. Либо червь лжет, либо Эл недоговаривает.

Червь повел верхней частью своего тела так, будто пожимает плечами, которых у него не было.

– Я не имею власти убедить вас в своих словах, – равнодушно проговорил он. – И даже будь она у меня, я бы к ней не прибег. Согласие, которого добились принуждением или хитростью, не согласие, но род рабства. Общаться стоит лишь со свободными умами. Эл высоко отзывался о вашей разумности, я не вижу причин оспаривать его слова. Я набил пузо сладкой яблочной мякотью, а теперь хочу заползти под листок и вздремнуть. Можете поразмыслить над моими словами и проверить их свидетельством ваших собствен-

ных чувств. Я иногда заглядываю сюда полакомиться плодами этого дерева, так что если захотите услышать еще – милости прошу.

С этими словами он вылез из яблока, плюхнулся на землю и быстро уполз под красные листья.

Некоторое время мужчина и женщина сидели в изумлении. Он смотрел на Дворец, она – на чашу. Она заговорила первой:

– Я давно гадала, для чего сделана чаша и почему заброшена. Ни Эл, ни кто другой из его воинства ни разу не дали внятного ответа. Теперь мы знаем, что тут обитала наша мать, о которой мы не знаем ничего, кроме имени.

– Так уверяет червь, – сказал мужчина. – Однако сейчас я смотрю в окна Дворца и вижу Эла и его ангелов, наших всегдашних наставников и помощников. Мне не хочется думать, будто они так много от нас скрывали.

– Эл сам сказал, что оградил нас стеной, дабы уберечь от заразы Беты и Альфы, – напомнила женщина.

– Да, – промолвил мужчина, помолчав. – Теперь я вспомнил.

– Заразы, которой не затронуты лишь мы одни, – сказала женщина. – И поэтому Эл ставит нас выше других душ.

– Да, – согласился мужчина. – Из любви к нам и нашей чистоте Эл оберегает нас от сведений, которые низвели бы нас до уровня пришедших на Землю в Первую эпоху.

– Я придумала, как мы можем это проверить, – сказала

женщина.

Позже Эл вновь пришел в Сад с Паладином Эла и Летописицей Эла. И вновь все сели у чаши. Эл спросил, чем были заняты их мысли с прошлого разговора.

Мужчина ответил, что их глубоко взволновали оброненные Элом слова о Древних временах, и спросил, можно ли им с женщиной услышать еще что-нибудь о деяниях и лицах Первой эпохи.

– Я не помню, чтобы так это называл, – заметил Эл.

– Не называл, – подтвердила Летописица Эла, быстро двигая руками по табличке.

– Впрочем, неважно. Название удачное.

– Как тебе угодно будет именовать эпоху бета-богов? – сказал мужчина.

– И время Альфа, к слову, тоже, – добавила женщина.

– Если называть время бета-богов Первой эпохой, то время Альфа будет своего рода Нулевой эпохой, о которой лучше не говорить вовсе, – промолвил Эл. – А о Первой эпохе я не склонен говорить больше упомянутого в прошлый раз. Я уже объяснил, дети мои, что вас нужно оберегать от таких влияний. Иначе не будет никакого проку в том, что вас создали и так старательно воспитывали.

– Как пожелаешь, Эл, – ответил мужчина. – Наш создатель наделил нас любопытством, и ты сам нас раньше хвалил, когда мы его проявляли.

– Да, это полезное качество, без которого ваш интеллект

не мог бы развиваться.

– Тогда, возможно, ты простишь нам любопытство к тому, как мы произошли.

– Прощу. Но удовлетворять не стану. Полностью удовлетворить ваше любопытство значило бы обессмыслить все труды по вашему созданию.

– Что ж, хорошо, – ответил мужчина.

– Ничто из Нулевой и Первой эпох не пригодится вам в этой, Второй эпохе, – продолжал Эл.

– Как скажешь, Эл, – ответила женщина.

– А вот что вам пригодится, так это имена, – проговорил Эл. – Вы придумали, как хотите зваться?

Прежде чем мужчина успел открыть рот, женщина сказала:

– Да. Он хочет зваться Адамом, а мне нравится имя Ева.

Долго молчал Эл. Затем обратился к Паладину Эла, и они какое-то время без единого слова совещались через ауры. Когда они закончили, Паладин Эла вскочил на скамью, расправил крылья и понесся к высокой сторожевой башне, где обитал вместе с другими меченосными ангелами и откуда они обзревали Землю и небеса.

– Как вы узнали эти имена, Адам и Ева? – спросил Эл, и, хотя его лицо и голос оставались безмятежными, аура вспыхнула яростным бурлением цветов.

Адам собирался ответить, но Ева взяла его за руку и ответила сама:

– Они пришли мне во сне. По крайней мере, так я думаю, потому что сегодня утром проснулась и, глядь, – они были у меня в голове.

– Их не присоветовала вам или не назвала какая-нибудь другая душа? – спросил Эл.

Над ним с парапета сторожевой башни зазвучали трубы, в окнах вспыхивал свет обнажаемых мечей.

– Мы живем в Саду, – напомнила Ева.

– Возможно, эти имена – а должен вам сказать, это очень старые имена из Нулевой эпохи – дремали в вашей памяти как пережитки тех, кто вас сотворил. Случайные воспоминания, переданные вам в миг творения и разбуженные моими словами. Коли так, это прискорбно, но ничего не исправить.

Эл продолжал:

– Либо, возможно, кто-то из моих ангелов упомянул Адама и Еву, а вы случайно услышали, не исключено, что даже во сне. Коли так, большой беды не случилось, а я велю своему воинству впредь лучше следить за своими словами.

Эл добавил:

– Но есть и третья возможность, и она чрезвычайно меня тревожит – что это некая уловка Старых – бета-богов, царивших на Земле в Первую эпоху. Я изгнал их давным-давно, однако они постоянно норовят вернуться.

За спиной Эла тысячи ангелов, потрясая слепящими мечами, взмывали со сторожевой башни и разлетались по четырем ветрам.

– Ангелы мои бдят неусыпно, и могущество их огромно. Однако Старый хитер и, возможно, разнюхал неведомые мне лазейки. Если увидите в Саду незнакомую душу, особенно в облике крылатого создания, темного и увечного, поднимите тревогу.

– Мы никого такого не видели, – сказала Ева.

– Ты меня успокоила, – ответил Эл. – Сейчас мне нужно на военный совет, который Паладин Эла собирает в сторожевой башне.

И Эл взмыл в воздух, словно торопливое рассветное солнце.

– Червь, что ты знаешь о Старом? – спросил Адам в следующий раз, как им случилось обнаружить гостя в яблоке.

Это произошло на следующий день. Дворец бурлил. Эскадрильи ангелов по-прежнему бороздили небо над Садам, на стенах, лицом наружу, стояли дозорные с мечами.

– Я не скрываю, что стар, старше Эла, – ответил червь. – И я такой не один. Эл сказал, как он должен выглядеть?

– Как огромный ангел, только изуродованный и померкший.

– Я буду держать глаза открытыми, – пообещал червь.

– Как получилось, что ни Эл, ни его бдительное воинство о тебе не ведают? – спросила Ева.

– Я маленький.

– Они умеют видеть маленькое и скрытое, – сказал Адам.

– Их способности велики, но не безграничны.

– То есть ты какой-то хитростью отводишь им глаза, – догадался Адам.

– Я отправляюсь куда хочу и когда хочу, – кротко произнес червь. – Я не считаю своим долгом извещать Эла о моих делах и спрашивать его разрешения. Это не его Сад, а Весны.

– Расскажи нам про Весну, – попросила Ева. – Мне хочется знать ее историю, даже если, как я догадываюсь, история эта печальна.

– Не так уж она и печальна, – ответил червь. – Весна создала всю новую жизнь в Первую эпоху. До того как она обрела силы, живое на Земле существовало, но не могло производить себе подобных. И все это были растения. Не было букашек, птиц и зверей. Весна научила яблоню цвести и давать семена, несущие в себе будущую жизнь. Вместе с тогдашним богом Делатором она создала творения, способные двигаться: первых пчел, затем птиц, а после и четвероногих зверей. Все они обладали способностью производить себе подобных: одни растили семена, другие откладывали яйца, третьи совокуплялись, мужская особь с женской, соединяя те органы, что дают наибольшее удовольствие. И наконец она принялась вынашивать свой главный труд: тебя, Адам, и тебя, Ева.

Ева слушала заворуженно, ожидая, что будет дальше. Она глянула на Адама. Однако что-то в рассказе червя заставило Адама отвлечься на вид собственного члена.

– Одна? – спросил Адам. – Или скорее как звери?

– Вы родились не от девственницы, – сказал червь.

– Кто такая девственница? – спросила Ева.

– Ты, – ответил червь. – Я имел в виду, что вы родились от отца и матери, которые сошлись, как сходятся звери.

– Кто был наш отец? – спросил Адам.

– Бета-Эл. Ждод. Величайший бог Первой эпохи. Вы родились сразу после ее конца, вскоре после того, как Эл низверг Ждода и прочих старых богов. Но больше всего на Земле Эл дорожил вами. Захватив Дворец, он первым делом окружил Весну воинством ангелов. В огражденном Саду завершила она свой труд и создала вас. Однако Весна тосковала по старым богам и хотела бродить по Земле. Увидев, что с Элом вам ничто не угрожает, она обратилась ручейком и утекла из чаши в свою священную рощу за стеной, а оттуда дальше. С тех пор Весна скитается по Земле и творит новую жизнь, где пожелает. Когда приходит зима и ручьи замерзают, она впадает в сон и не творит новую жизнь, а горюет в разлуке с вами, своими детьми. С пробуждением Земли она просыпается и вновь берется за труд.

Адам открыл рот, чтобы задать еще вопросы о Весне, но тут червь вылез из яблока, упал на траву и пополз к ближайшему кусту. Жар, подобный солнечному, опалил им плечи, глаза ослепил свет – Паладин Эла опустил рядом, занес над головой огненный меч и с размаху опустил на червя. Меч ударил, как молния из грозовой тучи, и выжег в земле дымящуюся борозду, уничтожив не только червя, но и все по

соседству.

– С кем вы сейчас говорили? – спросил Паладин Эла. – Сдается мне, вы обменивались словами с другой душой, проникшей сюда без спросу.

Адам взял Еву за плечо, убеждая ту помолчать, но она стряхнула его руку и отвечала прямо:

– Да, говорили, и он рассказал нам о Первой эпохе, о бета-богах и о нашем отце, низвергнутом Бета-Эле, и о нашей матери, Весне, что создала нас и ускользнула за стену Сада, а теперь бродит по Земле, где пожелает.

Паладин Эла не ответил, но расправил крылья, взмахнул ими, поднялся в воздух и взлетел на высочайшую башню Дворца, с которой озирали Землю его дозорные. Вскоре зазвучали трубы, сзывая ангельские эскадрильи во Дворец. Небо расчистилось и потемнело с приближением вечера. Стало холоднее. Может, им мерещилось или они так страшились Элова гнева, но Адам с Евой зябли больше обычного и придвинулись ближе друг к другу, чтобы согреться. Адама все сильнее отвлекал его член, ставший длинным и твердым.

– Почему он так себя ведет? – спросила Ева.

– Так иногда бывает, – ответил Адам. – Когда он становится таким, мне приятно его трогать.

– Наверное, это орган, о котором говорил червь, – сказала Ева. – И, кстати, у меня есть соответствующие части тела, не такие заметные, как то, что у тебя, но, подозреваю, способные дарить ничуть не меньшее удовольствие.

– Мне подумалось, – начал Адам, – что если бы мы с тобой...

Однако он не успел закончить мысль, потому что они услышали приближающиеся шаги и, подняв глаза, увидели идущего к ним Эла. От его взгляда, устремленного на Адамов член, тот съежился и принял всегдашнюю форму.

– Вижу, Старый ничего не упустил, – заметил Эл. – Отлично. Я перезагружал вас много раз и не прочь перезагрузить снова.

Эл воздел руку. Адам и Ева прижались друг к другу. Адам обнял Еву за плечи и притянул еще ближе к себе. Хотя у них не сохранилось никаких воспоминаний, оба чувствовали, что Эл не впервые воздевает так руку и что в следующий миг они исчезнут и будут заново возвращены к бытию.

Адам тоже поднял руку, как будто мог защитить себя и Еву.

– Умоляю тебя, Эл, не надо.

Эл не опустил руку, но и ничего другого не сделал, только смотрел на них, и его аура являла новые чувства.

– Мы знаем, что будет дальше, – сказала Ева, – и знаем, что в твоей власти это совершить и даже уничтожить нас совсем, если пожелаешь. Но если ты употребишь эту власть, то знай, что поступаешь вопреки нашей воле.

Эл опустил руку и замер, перебарывая чувства, по крайней мере, такое впечатление складывалось по его ауре. Через некоторое время она перестала бурлить. Когда он заговорил

снова, голос его был тих, но суров:

– Теперь я понимаю, так было с тех самых пор, как Весна произвела вас на свет. Она, быть может, и хотела начать все заново, сотворить души без связей с Альфа-миром, без наследственных слабостей, привычек, мыслей и особенностей формы, которые в Нулевую эпоху – когда души были во плоти – требовались для порождения новых душ, но здесь бесполезны и даже противоположны.

При этих словах Эл вроде бы глянул на Адамов член, хотя его взгляд скользнул и по грудям Евы. Повеяло холодным ветром, член у Адама съежился еще сильнее, а груди и плечи Евы, прижавшейся к Адаму, пошли мурашками. Она положила руку ему на грудь.

– Я не могу винить Весну за оплошность, – признал Эл. – Боги Первой эпохи, Бета-Эл и другие, обрели бытие неправильно. Они были экспериментом, который не столько провалился, сколько изначально был совершенно непродуман. Обнаружив себя живыми и мыслящими в мире без формы и порядка, они слепили Землю, как им казалось удобным. Это вынужденно получилось подобие Альфа-мира, каким он им смутно помнился. Первые слепые усилия вызвали новые воспоминания, и за долгие годы, пока я занимался другим, бета-боги создали Землю, почти такую же несовершенную, как мир, из которого они вырвались через врата смерти. Эта Земля и ждала меня, когда я прошел в те же врата. Величайшим достижением Первой эпохи стали вы, что теперь зове-

те себя Адамом и Евой, слепо отдавая бессмысленную дань развенчанному мифу Альфа-мира.

Эл умолк и вздохнул. Ветер усилился и стал еще холоднее.

– Да, – признал Эл, – много раз я вздымал руку и переделывал вас, вновь и вновь перезагружал программу, которую породила Весна. Из уважения к ее труду я не вносил изменений в исходный код, лишь отлаживал начальные условия, надеясь на воспитание в противовес наследственности. Это значило держать вас в огражденном Саду и не обременять знаниями об Альфа- и Бета-мирах, которые по всей справедливости должны быть не нужны и неинтересны душам – уроженцам Второй эпохи. Уже по тому, сколько раз вас пришлось перезагружать, я должен был сообразить, что занялся гиблым делом. Однако я чувствовал ответственность перед неповинными творениями бета-богов и стремился сохранить все красивое либо заключающее в себе новые возможности. И по большей части мои усилия были направлены на создание новых разновидностей душ. Так что я не направлял все внимание и всю вычислительную мощь на проблему, зреющую буквально у моего порога. Теперь, впрочем, все ясно, и я отчетливо вижу, что должен сделать. Дальнейшие перезагрузки дадут все тот же или худший результат. И в любом случае вы прямо попросили меня этого не делать.

Уничтожить вас – убийство. Держать вас в Саду – пустая трата времени на то, чтобы и дальше ограждать от знаний, которые вам вздумалось получить и которыми, я вижу, Ста-

рый либо его клеветы активно вас снабжают. Так ступайте на Землю, и не через парадный вход... – тут Эл указал на сияющий окнами Дворец, – исправленный моими трудами, а через задворки... – и он другой рукой указал на садовую стену, – где я сохранил все безобразие диких областей Альфа-мира, воссозданное Бета-Элом по его путаным воспоминаниям. Смотрите же на его творение изнутри, а на мое – снаружи и рассудите в своей мудрости, какое из них более великое.

Взмахом руки Эл выбросил волну хаоса; она ударила в стену и пробила дыру, куда Адам и Ева могли бы пройти рядом. Обломки стены отлетели дальше и пролегли в лесу, будто остатки древней дороги.

Мгновения спустя Адам и Ева уже шли по этой дороге, ступая босыми ногами по шатким острым камням, словно по жесткому воплощению самого хаоса.

Довольно скоро дорога из каменных обломков вывела их к пропасти, такой глубокой, что у них, привыкших к замкнутому пространству Сада, это просто не укладывалось в голове. В милях под ними тускло серебрились под луной и звездами облака. На какое-то время огромность увиденного парализовала обоих и лишила дара речи. Одно дело – подозревать, что за пределами Сада лежит большой мир, совсем другое – увидеть его воочию.

За ними в проломе стены сияли башни Дворца. До сих

пор Адам и Ева считали их высокими. Сейчас они поняли, что Дворец и все, что рядом, – крохотное семечко на кончике пальца: колонны, встающей из Земли на высоту, которую им не с чем было сравнить. От основания колонны Земля тянулась, сколько видел глаз, и как будто смыкалась с темным звездным небосводом там, где он опускался к горизонту. Где-то висели кучерявые покровы облаков, где-то поблескивали отраженным звездным светом озера и реки. Горные хребты вздымали над облачными грядками заснеженные вершины, и в свете луны чудилось, будто они светятся изнутри. В одном месте четыре хребта переплелись, будто споря, кто кого передавит, но даже самый из них высокий был много ниже исполинской тучевой башни, подсвеченной изнутри голубыми вспышками. Лишь она одна на всей Земле могла сравниться высотой с Дворцом. От грозовой башни отходил длинный острый рог, махрящийся снизу проливными дождями, испарявшимися за мили до земли. Тучи клубились и свивались, словно внутри бушуют чудовищные ветра, однако башня не рассеивалась, а как будто черпала энергию изнутри.

Там и сям по всей Земле различались пятнышки более теплого света – четкие под чистым небом, отсветы на облаках там, где оно было затянуто. Оттенком они походили на мутное красное созвездие, которое Адам и Ева часто видели высоко на небосводе. Адам, чтобы найти страны света, запрокинул голову и поискал глазами Алуя Паутину, как они

назвали это созвездие. Однако его сейчас закрывали башни Дворца.

– Что ты высматриваешь? – спросила Ева.

– Алюю Паутину, – ответил Адам. – Яркие пятна на Земле напомнили мне ее – как будто одно подражает другому.

И он указал на одно такое место у них под ногами, где от центра, затуманенного облачной дымкой и мерцающего в дрожании холодного ночного воздуха, расходились прерывистые линии алого света.

Ева, впрочем, не стала смотреть туда, куда указывал Адам. Ее взор был прикован к высокому парапету Элова Дворца. Оттуда сейчас взлетел ангел. Он несколько раз взмахнул крыльями, набирая высоту, затем начал заходить на вираж в их сторону. Адам и Ева втянули голову в плечи и попятнулись, боясь, что ангел столкнет их вниз. Однако тот пролетел выше, опустился между ними и обрывом и плавно взмахнул крыльями, словно отгоняя Адама и Еву подальше от края.

– Безопасного спуска для вас нет, – объяснил ангел, – так что меня отправили доставить вас вниз.

Не дожидаясь ответа, он простер ауру, словно еще одну пару крыльев, сгреб обоих в охапку и упал с обрыва спиной вперед, увлекая за собой Адама и Еву. Тут же их обдало холодом таким резким, что чувства ощутили не смену температуры, а боль, за которой наступило онемение. Эл, похоже, окутал вершину теплым воздухом, а теперь ангел вынес их за пределы этого пузыря. Здесь было не только холодно, но

и ветрено. Восходящий поток увлек их еще выше.

Ангел замахал крыльями и полетел над вершиной. Они увидели пролом в стене, кусок дикого леса за Садам, священную рощу исполинских кленов, откуда бежал ручеек, низвергаясь в пропасть серебристым волоском водопада. Дальше начиналась другая стена Сада, идущая прямо ко Дворцу. Адам с Евой, разумеется, ничего этого прежде не видели. Они привыкли к виду башен с задней стороны Дворца и составили о нем какое-то представление, но теперь были поражены его башнями, стенами, бастионами и множеством других больших и малых укреплений на узком карнизе между фасадом и отвесным обрывом.

Ангел спускался бесконечными кругами, так что Адам и Ева снова и снова видели одни и те же части скалы. Они научились узнавать ниточку водопада на темной стороне и отблески света на другой.

Однако они не понимали, откуда идет свет. В начале спуска он бил из Дворца, который высился над Землей, словно огромный фонарь. Однако ниже – над самым облачным слоем – сторона противоположная той, по которой сбегал водопад, сияла все так же ярко. Вся она была покрыта чем-то светящимся. А по мере того как воздух вокруг становился менее разреженным, Адам и Ева все отчетливей различали идущий оттуда звук: мерное гудение, которое шло как будто отовсюду сразу.

Впрочем, ангел летел так стремительно, а сияющая по-

верхность скалы пронеслась перед глазами так близко, что подробностей было не разглядеть. Когда они входили в облака, ангел отлетел подальше, и за миг до того, как скала растаяла в тумане, Адам и Ева увидели ее целиком. Они успели заметить, что выше неровных отрогов она сплошь покрыта шестиугольными ячейками.

Из влажного тумана они вынырнули уже почти над самой землей. Ее устилала такая же светящаяся, гудящая сова. Дальше их покров редел, делился на языки и пропадал во тьме, но чем ближе к основанию, тем плотнее теснились ячейки. В их полупрозрачной пленке угадывалось какое-то движение. Свет и звук пробегали по ней волнами, усиливались и слабели.

Ангел заскользил на крыльях прочь от скалы. За причудливо изрезанным краем светящейся пленки он наконец приземлился и выпустил Адама с Евой из своей ауры. Они ощутили под ногами твердую почву. Их легкие вбирали плотный сырой воздух, прохладный, но не ледяной.

– Здесь вы можете ходить, не боясь опасности, – сказал ангел.

– Что такое опасность? – спросила Ева.

– То, что вы почувствовали, когда стояли на краю обрыва, – ангел глянул вверх, – и воображали, каково будет упасть. Душам вашего типа лучше внизу. Идите ищите, какая жизнь на Земле вам подойдет.

И, не прощаясь, расправил крылья, чтобы лететь домой.

– Как называется то, над чем мы сейчас пролетели? – спросил Адам.

Ангел пожал плечами.

– Имени у него нет, ибо Эл и Эловы ангелы и без того знают, что это такое, а те, кто в нем живет – кто его составляет, – в именах не нуждаются, как не нуждаются и в словах вообще. Если вам непременно надо его как-то называть, то ближайшая аналогия с тем, что вы видели в Саду, улей.

И ангел улетел.

– Если бы он не так спешил домой, – сказал Адам, – я бы еще расспросил про Улей и тех, кто в нем живет.

– Кто его составляет, – повторила Ева слова ангела. – И он спешил.

– Наверное, во Дворце куда лучше, чем здесь, – предположил Адам.

– Само собой. Интересно, почему Эл не разрешал нам туда заглядывать, кроме как через окна.

– Теперь бесполезно гадать, – сказал Адам. – Сад подходил нам как нельзя лучше, и это место, где нас оставил ангел, тоже выглядит неплохим.

Ближайший отросток Улья, похожий на длинный корень, был от них всего в нескольких шагах. Адам и Ева пошли на его свет и звук, а подойдя ближе, ощутили, что он излучает тепло вроде того, что исходило от их собственных тел.

Сверху была видна природная неравномерность Улья, как у древесных корней или веток, но вблизи легко различался

правильный рисунок сот. Почти все они были шестигранные, хотя встречались и с большим или меньшим числом граней там, где им приходилось втискиваться между другими. Адам потрогал стенки – они были твердые, но слегка проминались под пальцем. В каждой ячейке клубилось облачко ауры, уплотняясь в поисках формы. Соты по краям выглядели более молодыми, их мягкие стенки иногда лопались и сочились аурой, как газом. В более старых ближе к середине за прочными стенками помещались аккуратные, хорошо структурированные комочки пульсирующей ауры. В целом соты не двигались, но иногда Адам и Ева краем глаза улавливали быстрое шевеление – Улей рос. Ячейки расширялись и делились, толкая соседей, так что вещество Улья постепенно расплзлось на свободные участки земли. Весь он был пронизан волнами света, по большей части белого, в котором возникали и сразу исчезали редкие цветные переливы. Гул затихал и усиливался без какой-либо понятной закономерности.

Они еще некоторое время смотрели, слушали и обменивались наблюдениями. Улей тоже вроде бы их чувствовал, однако не мог говорить понятными им словами, поэтому в конце концов они отошли от него и двинулись прочь по земле, еще не занятой медленным разрастанием сот. Там было темно, если не считать слабого свечения Улья.

В эту темноту Адам с Евой и вступили. Шли они медленно, ведь под ногами у них была не мягкая почва Сада, а каме-

нистая земля. Камни были от маленьких, застревавших между пальцами ног, до глыб размером с деревья. Где-то гладкие, где-то изломанные, они напоминали Адаму и Еве обломки садовой стены, по которым они еще так недавно шли. На некоторых были выбоины от ударов, другие почернели от огня. Травы и гибкие лозы проросли в трещины между камнями и местами сплетались сплошным ковром. На многих были мелкие цветочки; в свете Улья они сияли огоньками цвета, почти как в Саду, и добавляли этому угрюмому месту немного радости.

За спиной Адама и Евы мерцало пятно Алой Паутины, так что они из своих скудных познаний в астрономии знали, что идут на запад. Если бы они обернулись, то увидели бы, что небо над скалой светлеет.

Еще они различили бы трепетный огонек, который сидел на большом камне, а когда они проходили мимо, засветился ярче и начал подниматься все выше и выше, словно не хотел упускать их из виду. Он принял форму, грубо напоминающую ангельскую, и вместе с ней обрел бо€льшую свободу движений. Теперь он уже не парил, а молниеносно скользил по прямой или по дуге, замирая в конце каждого отрезка и словно оценивая, где очутился. Двигался он по изломанной траектории, но более или менее следовал за Адамом и Евой. Вскоре огонек уже порхал у них за спиной. Они заметили его и поначалу сочли еще одной случайной диковиной, которых тут было не счесть. Впрочем, через некоторое время

огонек очень им пригодился. Они ушли уже далеко от Улья, и в темноте было трудно разбирать дорогу. Огонек как будто это понял: поднялся повыше и засиял чуть ярче, освещая путь.

Местность изменилась. Они шли уже не по камням, а по густой траве выше колена, сквозь которую приходилось продирааться либо притаптывать ее на каждом шаге.

– Мне кажется, это существо понимает нашу речь, – сказал Адам. – Мы только что сетовали на темноту, и вот, оно нам светит.

– А может, оно читает наши мысли, – ответила Ева.

Порхающая фея выпустила язычок ауры, и Ева подняла к ней ладонь, но тут же отдернула.

– Что такое? – спросил Адам.

Лицо у Евы стало задумчивое.

– Совсем не похоже на ауру Эла или ангелов. Ничего для меня понятного. Но и ничего такого, что ангел назвал *опасностью*.

Адам и Ева стали забавляться тем, что их новый дружок умеет менять цвет. Они указывали на Алуию Паутину, которая сейчас опускалась к горизонту на западе, или срывали красные полевые цветы. Через некоторое время огонек начинал светиться красным, тогда они смеялись и кричали: «Красный!» Огонек принимался гудеть чуть иначе, будто пытался повторить это слово.

К рассвету существо научилось не только становиться

красным, но и говорить «красный» почти внятно. Они перешли к «синему» (за ночь облака растаяли, и показалось чистое небо) и «зеленому» (они шли по морю зелени), потом добавили слова «Адам», «Ева», «трава» и «вода». Днем фея была видна хуже, но они слышали звук ее крыльев и различали промельк света.

В море травы островом высился холм. Не сговариваясь, они свернули к нему и выбрались наверх. Солнце уже стояло прямо над головой. Они научили спутницу говорить «холм», «дерево», «солнце» и «луна». И Адам, и Ева иногда касались ее ауры и научились лучше понимать свою новую знакомую, или, может быть, она перестроилась на их лад. Теперь она говорила не только отдельные слова, и они смутно понимали, что их спутница умеет получать знания каким-то неведомым способом. Под тенью дерева на холме они увидели, что она изменила свою форму: теперь у нее были две нижние конечности вроде ног, две руки и крылья, как у Элова воинства. И голова – пока лишь яркое облачко ауры, но в нем начали проступать человеческие черты.

– Как нам тебя называть, душа-спутница? – спросила Ева. – Мы научили тебя разным словам, а теперь нам нужно слово для тебя.

– Какое имя будет лучше? Мое имя для вас, – ответила она. Они поняли, что она согласна как-то называться ради них, а значит, нужно имя, которое легко запомнить и удобно произносить. Фея ненадолго задумалась, потом сказала:

– Маб.

– Ты из Элова воинства? – спросил Адам. – Как ангелы, что кружат над башнями Дворца?

Маб, паря между ними, долго раздумывала:

– Не знаю.

Адам кивнул.

– Эл пронизывает все в этой, Второй эпохе, чтобы отделить ее от творений бета-богов, – сказал он.

– Эл и нас хотел присоединить, – проговорила Ева, – но у него или у нас не получилось. Мы неисправимые дети бета-богов.

– Величайшее достижение Первой эпохи, назвал нас Эл. Когда я слышал эти слова, у меня сердце занялось от гордости, но теперь я понимаю, что он не упомянул Вторую эпоху.

– Об этом я ничего не знаю, – признала Маб, – но я умею учиться.

– Бета-боги были первыми, и они сотворили это все, – сказала Ева, обводя рукой горизонт.

– Значит, они продолжают это творить, – поправила ее Маб, – ибо я вижу, что стебельки травы клонятся от тяжелых семян, вижу на дереве орехи, несущие в себе будущую жизнь. На той ветке птичье гнездо, в нем яйца, и в них тоже растет новая жизнь. Это совсем не то, как расширяется Улей, однако оно существует – и даже благоденствует – вопреки равнодушию Эла.

– Это все труды нашей матери, Весны, которая, говорят,

по-прежнему бродит по Земле, – сказала Ева.

Адам расхаживал по вершине холма, устремив взгляд к горизонту.

– Ну почему я не смотрел внимательнее ночью, когда мы видели всю Землю! Теперь мне жалко, что я ее не запомнил. Очевидно, мы ушли далеко к западу от Улья и Дворца. – Он кивнул в сторону скалы; она все еще казалась близкой, хотя теперь виделась сквозь дымку, и можно было догадаться, что за ночь и утро они покрыли большое расстояние. – Дальше к западу я вижу неровную темную полосу на горизонте. Она наводит меня на мысль, что это лишь первый из множества холмов, и дальше в той стороне их будет еще больше.

– Я помню увенчанные бурями горы далеко на севере, – сказала Ева и глянула направо в тщетной попытке различить заснеженные вершины или громоздящиеся тучи.

– Там и сям по земле разбросаны пятна света, напомнимшие мне Алую Паутину, – добавил Адам.

– Мне кажется, я заметила в них упорядоченность и движение, – сказала Ева, – и подумала, что там обитают другие души. Помнишь усеянную битыми камнями землю, куда опустил нас ангел? Это похоже на остатки жилищ, не больше самых убогих пристроек Дворца, и проложенные между ними мощеные дорожки для душ...

Адам закивал:

– Светящиеся пятна, что мы видели ночью с вершины мира, особенные. Они совсем не похожи на Улей. Быть может,

добравшись до такого места, мы увидим души, которые не ангелы, не ячейки Улья, а скорее, как мы.

– Ума не приложу, в какой стороне их искать, – сказала Ева.

– Я тоже, – признался Адам. – Но я устал, а шелест веток навевает сон. Если мы проснемся ночью, то, может быть, увидим вдали такой свет. А если не увидим, может, Маб взлетит повыше, увидит дальше и скажет, куда нам идти.

Адам сел под деревом, прислонился спиной к стволу и скоро задремал.

Когда он открыл глаза, был еще день, но свет изменился, как бывает ближе к вечеру. Похолодало. Ева спала рядышком. Во сне она прижалась к Адаму для тепла и закинула на него белую гладкую ногу, так что ее бедро лежало на его яичках и прижимало член к его животу. Член увеличился, отвердел и толкался в Евино бедро при каждом ударе сердца. Сердце стучало все сильнее, тело напряглось, и Адам излил что-то белое себе на живот и грудь. Это сопровождалось таким блаженством, какого он никогда прежде не испытывал. Потом, лежа на спине, он сонно и отрешенно осознал, что до конца дней будет стремиться к этому удовольствию. А значит, уже никогда не сможет глядеть на Еву прежними глазами.

На Землю постепенно опускалась тьма. На востоке за сияющим Дворцом проступила Алая Паутина. В той стороне

было слишком светло, так что они стали смотреть на запад, обводя взглядом горизонт с юга на север и обратно. Когда совсем стемнело, они убедили себя, что видят тусклое красноватое зарево на западе, возможно по дальней стороне холмов, которые заметили раньше. Маб взлетела повыше и подтвердила их догадку. Хорошо отдохнувшие и выспавшиеся, они спустились с западного склона холма и зашагали по травяному морю.

Через некоторое время земля пошла под уклон и запахло деревьями. Они остановились в таком месте, откуда смогли заглянуть в широкую речную долину, лежащую у них на пути. Внизу серебрились под звездами свивающиеся рукава реки. Другой берег скрывала непроницаемая тьма, но алое зарево подсказывало, что они смотрят на гряде холмов за рекой.

Пока они обсуждали, как перебраться через реку, их слуха коснулся звук, напомнивший им о Саде, – песня ночных зверей. Начал один, к нему присоединился второй, потом третий, за ним еще и еще, так что отдельные голоса стали неразличимы. Впрочем, можно было догадаться, что звери стягиваются вместе и движутся из долины к ним.

Маб взлетела повыше, чтобы разглядеть зверей.

– У них по четыре ноги, а тело покрыто серой шерстью. Уши острые – и зубы тоже.

– Творения Весны вышли нас встречать! – воскликнул Адам.

– Мне так не терпится их увидеть, – сказала Ева. – Мы столько раз слышали в Саду их пение, однако нас разделяла стена.

– Все одно к одному, – заметил Адам. – Эл не хотел, чтобы мы узнали о чудесных творениях Весны. Боялся, что мы отвергнем его и уйдем бродить по земле.

В круг белого света, который отбрасывала Маб, вступил волк. Поначалу он припал к земле, но осмелел, когда Адам присел на корточки и поманил его к себе. Убедившись, что Маб ничего ему не сделает, волк прыгнул и впился зубами в руку Адама.

Тот все еще смотрел в изумлении, пытаясь осмыслить сильнейшее новое чувство, передавшееся от руки в мозг, но тут Маб спикировала волку на лоб. Она сияла так ярко, что и волк, и Адам на мгновение ослепли. Волчьи челюсти уже не сжимали его ладонь, но неприятное чувство осталось. Он поднял руку, чтобы протереть глаза, и почувствовал что-то мокрое и горячее. Ева потянула его за другую руку и рывком подняла на ноги.

– Бежим! – крикнула она. – Надо от них спастись!

Они побежали. За ними, рядом с ними, даже впереди бежали волки, преследуя их по траве. Маб была везде – она то взмывала вверх, освещая землю под ногами и волков, то металась перед мордой волка, когда тот норовил цапнуть Адама или Еву за ноги. Позади и впереди слышалось щелканье челюстей – звери прыгали, пытаясь ухватить Маб, – и пор-

сканье крыльев, когда та уворачивалась от оскаленных клыков. Как ни отвлекала Маб зверей, Адам и Ева уже не надеялись добежать до холма. Они чувствовали, что ноги у них подогнутся раньше. Да холм бы их и не спас – волки так же, как они, взбегут вверх по склону.

Земля содрогнулась от глухого удара. Затем раздался второй, третий, чаще, громче, словно приближающиеся шаги. В краткую передышку между нападениями волков Маб взлетела и посветила вперед. Там, где должно было расстилаться ровное море травы, высился холм – так близко, что Маб замерла и отпрянула от него. Холм был не на своем месте и с прошлого раза стал гораздо круче. И он двигался.

Маб не могла осветить все сразу, да и Адам с Евой плохо соображали. Однако они видели исполинские ноги, словно бы груды камней, слепленных и обмазанных глиной, торс, похожий на холм, как он им запомнился, и огромное дерево на вершине – словно шапка волос. Ноги переступали по одной, и в движении их было больше от оползня или лавины, чем от человеческого шага. Каменные стопы опускались на землю с глухим ударом. Адам и Ева попятнулись бы, не будь за ними нечто похуже. Волки замедлили бег, их вой изменился.

– Бегите к нему со всех ног! – крикнула Маб. – Уж точно холм-великан не страшней волков!

Адам и Ева рванули из последней мочи. Холм остановился, его ноги рассыпались грудями камней, а в следующий миг

исчезли под зелеными юбками склона. Адам совсем выбился из сил, но Ева метнулась вперед и отыскала место для подъема, а он вскарабкался следом; передовой волк щелкнул зубами в воздухе, чуть не ухватив его за пятку.

Они оглянулись, и им почудилось, будто волки отодвигаются дальше и вниз. На самом деле это холм поднимался, образуя вокруг себя отвесный обрыв, на который даже волку было не запрыгнуть. Захрустели ветки, и обрыв заплели плети ежевики, образовав живой парапет. Потом все замерло. Холм вновь стал обыкновенным холмом, только другой формы и на новом месте.

Рассвет застал их под деревом на вершине холма. На западе они видели прямые линии притоптанной травы там, где бежали сломя голову, и дуги, где волки сворачивали для нападения и отпрыгивали, ослепленные светом Маб. На востоке – следы холма, когда тот шагал им на выручку, роняя влажную черную землю и валуны. Там, где ступали его ноги, остались кратеры.

Ступни Адама и Евы кровоточили от множества порезов, ноги были искусаны волками и расцарапаны ветками. Однако самая большая кровоточащая рана была у Адама на руке. Они никогда раньше не видели крови и зачарованно наблюдали, как она течет.

Иногда Ева вставала и обходила вершину холма, всматриваясь в море травы вокруг. Несколько волков остались у

подножия и косились на нее с выражением, в котором она теперь узнавала голод, – волки разглядывали ее как пищу. Однако никто из них не мог прорвать кольцо обороны, которым окружил себя холм.

Адам лежал в тени под деревом и смотрел, как из руки у него течет кровь. Ближе к середине дня кровотечение почти прекратилось, но он стал бледным и слабым.

– Так много новых жидкостей вытекает из моего тела, – заметил Адам, удивив Еву – она-то знала только про кровь. – Если тела такие же, как все остальное, то потери надо восполнять, иначе я уменьшусь.

– В Саду букашки ели растения, а птицы – букашек, – сказала Ева. – Червь ел яблоко и нам советовал. А волки вроде бы хотят съесть нас.

– О Весна! – простонал Адам. – Почему ты создала свои творения такими? С такими аппетитами?

И его взгляд устремился к бедрам и ягодицам Евы, сидевшей рядом на корточках.

Ева пожала плечами:

– Очевидно, так устроен мир. Если мы доживем до встречи с Весной, то спросим ее саму.

– По крайней мере, теперь мы понимаем диковинное слово, которое слышали от ангела, – заметил Адам. – «Опасность».

– Нам надо преодолеть опасности между нами и дальней стороной тех холмов, – сказала Ева. – Там, возможно, живут

души, придумавшие, как сделать, чтобы их не съели. Если ты уменьшишься, добраться туда будет сложнее. У тебя только один выход – что-нибудь съесть. – Она взгляделась в крону дерева. – К сожалению, на нем почему-то нет яблок.

Маб вспорхнула на ветку, и через мгновение рядом с ними упало что-то маленькое, коричневое. Размером, формой и сморщенностью оно напоминало то, что висело у Адама под членом.

– Орех, – сказала Маб. – У меня есть доступ к знанию, что он съедобен. Только прежде его надо расколоть.

Ева придумала положить орех на камень и ударить другим камнем. Адам впервые попробовал пищу. Ева залезла на дерево и стала сбрасывать орехи на землю, а Маб рвала их, порхая между ветками. Адам немного окреп и разбивал орехи камнями. Потом они, по совету Маб, спустились к колючим кустам, которыми холм опоясал себя от волков, и нашли ягоды. Листья некоторых растений тоже оказались съедобными, так что вечером Адам и Ева сидели под деревом с новым чувством еды во рту и ощущали пробуждение своих внутренностей.

Ночь была холоднее, а может, они изменились оттого, что поели, и теперь зябли сильнее. Маб произвела пламя из кучки сухих листьев и веточек. Они узнали, что огонь тоже бывает голодным и его можно кормить – в данном случае упавшими с дерева ветками. Огонь и тепло собственных тел по-

могли им не мерзнуть ночью, если теснее прижаться друг к дружке. Впрочем, этого им хотелось и не только от холода. Член Адама вновь излил то же белое, только на этот раз Ева не спала и видела, как ему приятно. Вспомнив слова червяка о том, что органы удовольствия можно соединять, они вскоре нашли у Евы подходящие части тела. Адам был почти так же счастлив, как и она, а то он уже боялся, что не получит от нее удовольствия, к которому теперь все время стремился, если не будет давать что-нибудь взамен.

Утром они узнали, что такое испражняться, и сразу завели привычку делать это подальше от дерева, под которым устроились, пусть даже им приходилось спускаться на травяную равнину, а там могли быть волки. Правда, спускаться все равно бы пришлось, потому что с другими видами голода пришла и жажда. Маб объяснила, что вода течет вниз, и сказала, в какой стороне ее найти.

Вдобавок к тому, что Ева теперь ела, испражнялась и мочилась, у нее еще иногда текла кровь из органов удовольствия. Appetit и у нее, и у Адама рос с каждым днем. Адам посматривал на кроликов, бегавших в траве, примерно так же, как раньше волки глядели на Адама и Еву. Однажды, не наевшись орехами и ягодами (их было все труднее находить), он спустился на траву и через какое-то время принес на острой палке мертвого кролика.

– Мне подумалось, что мы тоже можем быть опасностью, – объяснил он.

На следующий день он добыл еще двух кроликов, потому что в первом оказалось до обидного мало съедобного. В следующие дни Адаму приходилось уходить все дальше и дальше от основания холма, потому что вблизи он всех кроликов перебил или распугал. Несъеденные части тушек скапливались под деревом и пахли не лучше испражнений. Маб сверилась с таинственным хранилищем данных, к которому каким-то образом имела доступ, и научила Адама с Евой, что можно делать из кроличьих остатков. У них появились костяные иглы и нитки из жил. Вскоре они оделись в шкурки и перья различных созданий, которых приносил снизу вечно голодный Адам.

В холме была воплощена душа, обитавшая в нем, наверное, с начала Первой эпохи. Он решил спасти Адама и Еву от волков. Потом вновь застыл в тишине и неподвижности. Общаться с ними он то ли не хотел, то ли не мог. Маб много раз пыталась соединиться с ним аурой, но ничего не нашла. Вернее, нашла душу, настолько внутренне непохожую на них, что никакое общение с ней было невозможно.

Через несколько месяцев без предупреждений и объяснений он снова встал, прошел небольшое расстояние и осел на землю в новом месте, ближе к реке и гряде холмов. Они сочли это намеком, что им пора уходить, тем более что еды здесь почти не осталось – ни орехов на дереве, ни ягод на кустах, ни съедобных трав. Пищу для огня приходилось носить из речной долины. Там они иногда встречали волков и

других созданий, которые были несомненной опасностью.

Кровотечения у Евы прекратились так же неожиданно и необъяснимо, как начались. У нее увеличивался живот. Маб сказала, что скоро им понадобится жилье попросторней и больше еды и одежды, чем можно добыть здесь. И все же они оставались на гостеприимном холме, пока листья на большом ореховом дереве не покраснели и не начали падать на землю. Адам и Ева, не обсуждая, сочли это сигналом, что надо уходить. Однажды утром они собрали вещи, которые здесь сделали, и привязали их к толстым веткам веревками из сплетенной травы. Они двинулись на запад, таща за собой пожитки. Помня об опасностях, они быстро прошли через долину, к полудню пересекли реку вброд и до того, как тени удлиннились, забрались как можно выше в холмы. Здесь они нашли дерево, на которое можно залезть, развели подле него костер и накидали туда много упавших веток, потом забрались в развилку и устроились на ночь. Волки выли и подходили так близко, что можно было различить отблески костра в их глазах, но утром Маб сообщила, что поблизости ни одного не осталось.

Адам и Ева слезли с дерева и до конца дня взбирались на холмы, страдая от голода и жажды и лишь с помощью Маб находя ягоды и родники. За каждым холмом открывался новый холм. Они уже совсем приуныли, но в сумерках Маб провела их по каменной расщелине на карниз, где заканчивался лес. Отсюда они увидели холм еще выше тех, по кото-

рым шли. На его вершине стояло белое здание, чем-то напоминавшее Дворец, только куда меньше и невзрачнее. Поднимаясь к нему по тропе, явно проложенной другими душами, они иногда оборачивались и видели верхушку Элова столпа далеко в центре Земли. Дворец Эла как будто смотрел на них.

Наконец они взобрались на холм. До белого здания было уже недалеко. Заглянув на другую сторону холма, они увидели алые огни и дымный воздух лежащего внизу города.

В первые пятнадцать лет с перехода дочери в смоделированный мир мертвых Зула часто задумывалась, зачем вообще живет. Однако со временем она привыкла к неразрешимости загадки и возвращалась к ней лишь изредка. Например, как-то октябрьским утром, лежа в кювете с поврежденными коленями.

Сходя с бордюра по пути на работу, она ощутила резкую боль в колене и услышала щелчок. Нога подогнулась. Чтобы не упасть, Зула попыталась опереться на другую ногу. Новый щелчок, новая вспышка боли – и она рухнула в кювет. Ночью шел дождь, первый настоящий осенний ливень, и Зула оказалась в кювете вместе с мокрыми листьями, одноразовыми бумажными стаканчиками и одним подкожным шприцем. Сели слетел ворон – взглянуть, можно ли ее уже клевать. У Зулы было единственное объяснение: какой-то придурак два раза выстрелил в нее и убежал. Однако ран не было, кровь не текла.

На удивление долго ничего не происходило. Это был район плотной жилой застройки и коммерческих зданий между основанием Капитолийского холма и берегом озера Юнион. Вроде бы оживленное место. Оно и было оживленным – машины проносились каждые несколько секунд, с большим запасом огибая человекообразное пятно, примеченное их ин-

фракрасными камерами. Почти мгновенно машины сообщили друг другу об этом пятне и перестроились, минимизируя риск. Пассажиры, разумеется, были заняты своими делами и в окошки не смотрели. Люди в домах, офисах, кафе тоже не обращали внимания на то, что происходит в кювете. У Зулы было время поразмыслить об экзистенциальных вопросах.

Трагедия – и главная цель – родительства заключена в том переломном моменте, за которым история продолжается без вас. Его предтечи – умиляющие до слез мгновения, которые родители запечатлевают на фото, а рекламщики эксплуатируют в своих роликах: первые шаги, первый день в детском саду, ребенок едет на велосипеде, садится за руль машины. Зула и Чонгор прошли это все с Софией: фотографировали и плакали от умиления, как все. Однако полное осознание пришло, когда София поступила в колледж и три недели не выходила на связь. Ни эсэмэсок, ни твитов, ни телефонных звонков – просто тишина, которая с тем же успехом могла быть гробовой. София не забыла и не разлюбила родителей, просто в колледже было так здо€рово, что ей не пришло в голову позвонить домой. Чонгор страдал молча. Зула обратилась к товарищам по несчастью – матерям Софииных одноклассников и подруг по футбольной команде. Некоторые общались с детьми по несколько раз в день и отслеживали их в соцсетях, другие испытывали то же, что Зула. Им казалось, что их отбросили, словно киноперсонажа, которого

сценаристы переехали автобусом, освобождая место для более молодой, более харизматичной кинозвезды.

Потерять ребенка – нечто прямо противоположное. Извращенный сюжетный поворот, когда автобус сбивает не того персонажа и на экране остается актер, не планировавший, да и не хотевший быть в центре кадра. Это, разумеется, не худшее из того, что чувствуют осиротевшие родители, просто одна из частей печальной картины.

Через полтора десятилетия после Софиной гибели у Зулы по-прежнему некстати наворачивались слезы. Их с Чонгором отношения развивались по довольно типичному сценарию. Они не спали вместе две недели, месяц, год. Чонгор съехал с квартиры, где все мучительно напоминало о дочери, Зула оттуда почти не выходила. Через два года они официально развелись. У них не было ненависти друг к другу. Они не перестали друг друга любить. Просто весь смысл брака исчез.

Впрочем, с годами Зула все реже испытывала острое горе. Скорее это было похоже на ее чувства, когда София поступила в колледж. Разумеется, тело отсканировали, как только вытащили из воды. Времени прошло немного, мозг хорошо сохранился в холоде. Новый процесс загрузили в соответствии с подробнейшими беспрецедентными инструкциями, которые София вписала в свое завещание и распоряжение об останках за несколько недель до смерти. Корваллис Кавасаки был указан душеприказчиком, и он проследил, чтобы все

исполнили в точности.

Софиин процесс время от времени взаимодействовал с дедушкой всех процессов – тем, который она сама загрузила на основе Мозга Доджа, – до самого его загадочного преобразования. Примерно в то же время наблюдатели в Митспейсе лишились возможности видеть некоторые части Битмира. До тех пор весь Ландшафт был открытой книгой – не оставалось ни одного уголка, куда бы не проникало всевидящее око Программы визуализации Ландшафта. Однако новое место, созданное Доджем, Софией и Пантеоном, – Ландшафт-штрих, или Ландшафт-2, как называли его некоторые, – шифровался каким-то хитрым способом. Енох Рот называл это «обнубиляцией» – новым словом, которое им пришлось включить в свои словари. Оно означало «сокрытие под облаками».

София была соавтором Программы визуализации Ландшафта, так что на простое совпадение это не тянуло.

Ее процесс оставлял в системе достаточно следов, поэтому они знали, что он по-прежнему работает. Но он никогда не звонил домой – не предпринимал и малейших попыток связаться с теми, кого оставил позади. В помещениях Фортрастовского семейного фонда Зула и другие, как могли, всматривались в потоки данных, изучали загадочные движения денег и маны, связанные с процессом Софии, и не находили ничего обращенного к ним.

Фортрасты начали раньше других семей и первыми че-

рез это прошли. Однако в десятилетия после смерти Софии и Элмо Шепарда сканирование покойников стало такой же обыденностью, как погребение или кремация у предшествующих поколений. Миллионы других родственников тщетно ждали знаков из Вечности. Живые гадали, что происходит. У мертвых стерлись все воспоминания? Поначалу эта теория была популярна, но с годами выглядела все менее убедительной: души строили цифровой мир, похожий на тот, где жили прежде. Отсюда возникла новая гипотеза: Битмир – что-то вроде студенческого общежития, полного молодыми, красивыми, талантливыми и веселыми людьми. Он настолько интереснее Митспейса, что им и в голову не приходит искать контакта со скучными вонючими пережитками, все еще воплощенными в атомы.

Вопрос, почему мертвые не интересуются живыми, широко обсуждали в около-Екопермоновских кругах. Тысячи собирались в огромных аудиториях послушать доклады о таких концепциях, как РДО, или радикальный семантический отрыв, – эту идею запустил в баре на третьем Екопермоне Енох Роот. С тех пор она развилась в целое научное направление. Концепция состояла в том, что загруженные мертвецы не могли бы общаться с Митспейсом, даже если бы захотели, поскольку общая почва для такого общения отсутствует начисто.

Лишь одна форма связи – если вы согласны так это на-

зывать – действительно работала, и ею-то и пользовались с самого начала: «Провил». За два десятилетия с тех пор, как София и Матильда впервые ее показали, она постоянно улучшалась и теперь отличалась от той первой версии, примерно как цветные телевизоры 1970-х годов от рябящих черно-белых ящиков 1950-х. С любыми приличными очками дополненной реальности можно было облететь Ландшафт, увидеть его в цвете, с приличным разрешением, позволяющим различить тела, в которые облекли себя души: по большей части гуманоидные, с небольшой долей крылатых существ и других типажей коллективной мифологии, утащенной за собой в Битмир. Можно было зависнуть над площадью в городе мертвых и смотреть, как они взаимодействуют: разговаривают, торгуют, дерутся и сношаются.

В зависимости от текущего коэффициента временного сдвига, иногда это происходило ускоренно, иногда замедленно. Когда у СЛЮЗА было для Битмира больше чем достаточно маны, время там бежало быстрее, чем в реальности. Мертвые превращались в размазанные промельки. Здания росли, а леса вырубались, как при покадровой киносъемке. Когда ИСОП – инфраструктура и системное обеспечение посмертия – проседала под нагрузкой, Битмир замедлялся до черепашьяго шага. Можно было несколько часов смотреть, как ваша покойная бабушка идет через комнату. Инженеры СЛЮЗА вводили в строй новые квантовые компьютеры и прокладывали оптоволокно – коэффициент времен-

ного сдвига подскакивал. Однако это влекло новые загрузки и увеличивало спрос на ресурсы, замедляя его до ввода новых мощностей, и так далее и так далее. С перехода Софии и Элмо Шепарда в загробную жизнь маятник успел качнуться несколько раз. В среднем, впрочем, время в Битмире текло быстрее. Прошли сотни смоделированных лет. Чтобы рассмотреть происходящее, изображение приходилось замедлять. Когда маятник качался в другую сторону, время приближалось к паритету – то есть текло в обоих мирах одинаково. Зула от случая к случаю заглядывала в Битмир – отчасти из праздного любопытства, отчасти в надежде увидеть дочь.

Так обстояло дело со зрелищностью жизни мертвых в Битмире. Во многом она была заурядна до последней крайности. Только существовала одна частность, психологически важная для живых наблюдателей: мертвые были мертвы. Когда-то они были живыми людьми из плоти и крови. Теперь, по биологическим меркам, они умерли, однако, без сомнения, перешли в посмертие. И могли существовать там неограниченный срок.

Внезапно оказалось, что смерть – это не конец и каждый в теории может жить вечно. Ничего более важного человечество узнать не могло. Сопоставимым было бы доказательство бытия Божьего или открытие инопланетной цивилизации в другой звездной системе. Однако ничего такого не произо-

шло.

Задним числом курьезней всего была постепенность, отсутствие «мига, когда это случилось». Примерно так же входил в мир Интернет: началось с кучки нердов, а десятилетия спустя люди младше тридцати уже не могли толком вообразить жизнь, в которой нельзя мгновенно загуглить что пожелаешь. Задним числом стало ясно, что Интернет произвел революцию в человеческих делах, но постепенную, к которой современники приспособлялись мало-помалу. Века спустя людям – если тогда еще останутся люди – будет казаться, что все произошло в мгновение ока.

Лежа в кювете, Зула чувствовала, что все ее бросили: бывший муж, умерший дядя и умершая дочь, а также живые во круг, так погруженные в деяния мертвых, что не удосуживаются глянуть из машины или из окна дома. У нее были с собой электронные устройства, так что она могла вызвать помощь, но не спешила это делать, потому что в кювете на нее снизошло странное умиротворение. Потом вода начала просачиваться под одежду, а колени заболели по-настоящему.

Рядом остановилась полицейская машина и включила сине-красную светодиодную мигалку. Квартал опустел – обычные гражданские электромобили передали друг другу предупреждение. С уровня мостовой Зула не могла разглядеть, есть ли в полицейской машине люди. Оттуда выкатился робот размером с большую микроволновку и двинулся к Зу-

ле на сложных треугольных агрегатах, которые иногда работали как гусеницы, иногда переваливались, словно нескладные колеса, а иногда ползли, словно пехотинцы былых времен под колючую проволоку. От него отделились два аэродрона, чтобы дать обзор с других ракурсов. Лицо на экране задало Зуле несколько вопросов с целью убедиться, что она не псих и не опасна. Зула не могла понять, с кем говорит: с видеотрансляцией живого человека, компьютерной моделью или сочетанием того и другого.

Подъехали еще машины. Из них вылезли люди, натянули перчатки, но делать ничего не стали, только смотрели, как к Зуле приближается другой робот – умные носилки-каталка с логотипом японской фирмы. Там давно задумались, как автоматизировать многие рутинные операции по поддержанию лиц старшего возраста чистыми и здоровыми.

Робот развернул многосуставчатые руки, очень ловко и аккуратно подsunул под Зулу тефлоновые ладони-лопаточки, поднял ее из кювета и плавно покатыл в ближайшее медучреждение – оно было так близко, что не имело смысла грузить пациентку в машину. Здесь к ней впервые прикоснулись люди: дали болеутоляющее и сообщили, что у нее разрыв надколенных сухожилий обеих ног – довольно распространенная травма – и встанет она не скоро. Роботы прооперировали ее колени через отверстия столь малые, что их и пластырем-то заклеивать казалось излишним. Еще до вечера Зулу выписали. Друзья и родственники пришли навестить ее

в квартиру, где она жила уже больше сорока лет. Открытки и цветы начали загораживать обзор. Серьезно обсуждалось, не стоит ли ей продать квартиру и переехать в более плоскую часть города, ближе к офису Фортрастовского семейного фонда. Или вообще закрыть офис, поскольку большинство все равно работало из дома, а совещания проводили в квазипространстве реальных тел, видеоконференции, роботов удаленного присутствия и дополненной реальности. Однако Корваллис и Зула по-прежнему ходили на работу каждый день, словно проверяя, кто первым сдастся.

Чем младше были друзья, тем сильнее они переживали за ее будущий образ жизни. И Зула понимала почему: для них главным было обеспечить качественное посмертное сканирование мозга, чтобы она жила вечно.

Так рассуждали нынешние люди. Не только полицейские, военные и пожарные делали все удаленно. Уже давно стало ясно, что некоторые действия – например, пойти в магазин за пакетом молока, – не стоят того, чтобы ради этого выходить из дома, парковать машину, ждать очереди в кассу. Удобнее заказать онлайн, а покупку доставит дрон. К тому же с победой над смертью появился фактор, который теперь называли «безопасностью мозга». Даже в самых благополучных сообществах поход в магазин чреват небольшим риском угодить в автомобильную катастрофу, а в тяжелой аварии может пострадать мозг, и жертва лишится возможности попасть в заgrabную жизнь. Лучше сидеть дома и по возмож-

ности обходиться удаленным присутствием. Сэкономленное время можно потратить на виртуальные прогулки по увлекательному миру, который Додж создал, Плутон усовершенствовал, а Эл захватил. Живые сидели по домам и призраками разгуливали по миру мертвых.

В недели после падения Зулу немного пугало, как мало угнетает ее невозможность ходить. Ей казалось, все должно быть куда серьезнее, но это лишь показывало, как сильно она застряла в прошлом. Зула родилась в эпоху, когда в ходу еще были костыли, инвалидные кресла и прочие средневековые ухищрения. Память о них попадалась на улицах до сих пор – покосившиеся пандусы и растресканные желтые бордюрные съезды. Зула имела доступ к практически бесконечному количеству денег и могла позволить себе лучших роботов-помощников в мире – устройства, которые поднимали ее и несли в туалет, держали под душем и так далее. Они даже одевали и раздевали ее. На разработку алгоритма для застегивания лифчика наверняка ушли миллионы. В их библиотеках имелись программы, которые позволяли застегивать и расстегивать любые ожерелья, когда-либо изобретенные ювелирной промышленностью, спускать воду в бачках любой конструкции, поворачивать краны в самых отвратительно сконструированных душевых кабинках. Лестницы не составляли для них проблемы. Даже с ношей много тяжелее Зулы робот взлетал по лестнице быстрее, чем человек про-

бегал такое же расстояние по ровному месту.

Ее даже попытались снабдить бионическими ногами, которые удерживали бы вес и позволяли двигаться как на своих двоих. На это Зула не согласилась. При первой возможности она начала ходить самостоятельно, а робот, напичканный всевозможными функциями и более сложный, чем авианосец, заботливо поддерживал ее под локоток. По мере того как ее силы восстанавливались и различные медицинские препоны оставались позади, она перенастраивала робота, чтобы тот держался подальше и меньше отвечивал. Под конец он уже таскался в пяти шагах за ней, словно андроидный лакей феодальной поры.

Зула уступила напору, продала квартиру на холме и купила плавучий дом на озере, на таком расстоянии от работы, чтобы каждый день проходить приличное расстояние. Если она правда спешила, то брала роботизированную лодку или роботизированную машину, всегда в сопровождении Франкенштейна, как окрестила своего лакея, ниндзя-телохранителя, застегивателя лифчиков и бегуна по лестницам. Тогда это не казалось такой уж большой жертвой.

В Митспейсе прошло еще пять лет. Зула полностью восстановилась, легко ходила и бегала, но все равно держала Франкенштейна при себе. Имя было слишком длинное и неудобное. Он стал Франком, а вскоре превратился во Фрэнка. В дизайне Фрэнка Зуле нравилось, что он не такой уж гуманоидный. Да, у него были руки и ноги, но совсем не че-

ловеческие – ноги гнулись в обратную сторону, как у собаки, а руки представляли собой генерализованные культи, выбиравшие различные «кисти» – совсем не похожие на человеческую кисть – из кобуры-карусели на «торсе». «Голова» была просто узкой командной рубкой, усыпанной крохотными линзами камер.

Другими словами, он ничуть не походил на Метатрона, убившего ее дочь.

После трагедии выпуск той модели прекратили, скорее из-за пиара, чем из соображений безопасности, а через приличное время заменили другой, которая выглядела иначе, но все равно вызывала у Зулы посттравматический синдром всякий раз, как такой робот вышагивал по улице или разворачивался из позы эмбриона в разгрузочном доке.

Однажды на семьдесят втором году жизни она с утра решила машине отвезти ее к врачу на Пилюли-хилл. Ничего срочного. Обычная профилактическая проверка из тех, что занимают довольно много места в календаре у людей ее возраста. По совпадению врач принимал в том же здании, где сорок лет назад случилось несчастье с Ричардом. Несмотря на это, Зуле не было особенно тяжело сюда входить, поскольку она увидела Ричарда уже в ближайшем отделении «Скорой помощи». Там-то беда и обрушилась на нее со всей силой.

Этого конкретного врача она посещала дважды в год. Каждый визит пробуждал мысли о Додже. Он вроде бы жил

и умирал несколько раз. Нельзя было сказать наверняка, что он мертв. Процесс, запущенный по сканам его мозга, перестал функционировать несколько лет назад. Никаких его следов с тех пор не наблюдалось. Если бы он проснулся, они бы заметили. Последние два десятилетия дебит на счету Доджа составлял ноль долларов ноль центов. В пору наибольшего расцвета через него проходили миллиарды в месяц. Другими словами, сейчас он выглядел мертвым.

После визита к врачу они с Фрэнком сели в другую машину и поехали на работу. По пути, на повороте дороги, Зула увидела озеро Юнион. Живя на холме, она любовалась этим видом каждый день, но сейчас смотрела на него свежим взглядом. Вспомнилось университетское образование – Зула окончила геологический. Она думала о леднике, пропахавшем это озеро давным-давно. Мысленным взором она видела, как ледяной уступ крушит перед собой горы, и сравнивала его размеры с тем, что люди построили на оставшейся от него каменистой почве. Ей думалось, как молоды и как недолговечны все человеческие усилия в сравнении с геологией. Как скоро от них не останется следа?

Четыре лифта в здании фонда начали ломаться почти сразу после установки, поскольку молодая прижимистая Зула заключила контракт с самым дешевым поставщиком. Несколько лет назад их перестали чинить. Работал только один. Люди и гуманоидные роботы обычно поднимались по лестнице – в здании было всего шесть этажей, а тех, кто не

мог столько одолеть, поднимали роботы. С небольшой помощью Фрэнка, который переключился в режим поддержания под локоток, Зула поднялась на шестой этаж и вошла в помещение Фортрастовского семейного фонда. Здесь ее ждали две неожиданности.

Первой был Корваллис Кавасаки. Вообще-то он ходил на работу неукоснительно, но сегодня появился впервые после смерти жены, с которой прожил тридцать восемь лет, Мэйв Браден-Кавасаки. Она скончалась три недели назад от сердечного приступа – какой-то аритмии. Ее, разумеется, отсканировали и загрузили. Си-плюс проживал обычные стадии горя, которые сейчас сильно изменились по сравнению с традиционными из-за сознания, что покойная в какой-то мере жива, здорова и – если приготовления Мэйв сработали – летает по Битмиру на крыльях.

Так что видеть его за столом в конференц-зале было радостно, хоть и больно.

Менее приятной была неожиданность номер два: напротив Корваллиса сидела последняя модель Метатрона. Сами по себе роботы удаленного присутствия никого не удивляли. Но большинство людей, ведущих дела с Фортрастовским семейным фондом, понимали, что прислать сюда Метатрона – очень дурной тон.

Корваллис через стеклянную перегородку поймал взгляд Зулы, давая понять, что разговор требует ее участия. Так что она вошла. Робот сидел спиной к двери. Разумеется, роботам

стулья не нужны, но так было принято. Зула обошла полстола, дружески стиснула Корваллису плечо и, пройдя у него за спиной, села напротив робота. Лицо у того было отключено. Корваллис говорил либо с человеком, желавшим остаться анонимным, либо с продвинутым искусственным интеллектом, заслуживающим человеческого обращения.

Другими словами, Зула почувствовала, что это исходит из центра элоподобной ненормальности в Зелрек-Аалберге.

Последний раз, когда она удосужилась посмотреть статистику, Эловы серверные парки ИСОП потребляли 31 % генерируемой на планете электроэнергии и он приступил к строительству орбитальной солнечной электростанции. Зула бы удивилась, если бы не тот факт, что Фортрастовские центры потребляли 11 % всей энергии на Земле и финансировали разработки в области орбитальных электростанций.

Чтобы генерировать столько маны, требовалось много электричества, и не только для компьютеров, но и для систем охлаждения, не допускающих их перегрева. Для этого существовали технологии, можно было изобрести новую технику, но не новые законы термодинамики. Любые системы охлаждения должны куда-то отдавать тепло – потому-то задняя стенка холодильника горячая. Думая в планетарном масштабе – а планируя системы, Маг 10 думать иначе было бесполезно, – инженеры ИСОП видели Землю огромным сферическим холодильником, несущимся в космосе. Он будет получать энергию от Солнца и выбрасывать тепло во вселен-

ную, направляя во мрак исполинские горячие панели.

В космосе трудно работать людям, но легко роботам. Значит, роботов нужно было строить, обслуживать, обеспечивать энергией и охлаждать. По сравнению с выработкой маны, флотами ракет, роями орбитальных электростанций и армиями роботов затраты энергии на то, чтобы кормить, одевать, согревать и развлекать убывающее население Митспейса, все больше и больше походили на статистическую погрешность.

Всем этим занимались. Консорциум успешно работал уже давно. За это время они успели нанять консультантов, сказавших, что название «СЛЮЗА» чудовищно и в работе с клиентами следует использовать более благозвучное «ИС-ОП». Корваллис вместе с коллегами из Зелрек-Аалберг отслеживал ситуацию по ИСОП, и, когда возникали мудреные проблемы – что происходило все реже, – их обычно можно было отложить до следующего Екопермона.

По крайней мере, так убеждала себя Зула, пока Метатрон не изложил свое дело:

– У нас есть свидетельства, что процесс, известный некогда как Мозг Доджа, перезагружен.

Зула глянула на Корваллиса, тот отрицательно мотнул головой.

– Он перезагружен, – настаивал Метатрон, словно сумел истолковать взгляд, которым обменялись люди, – и, более того, непосредственно вмешался в работу, стоившую Элу боль-

ших издержек.

– Откуда вы можете это знать? – спросил Си-плюс, и по тону чувствовалось, что он задает этот вопрос не первый раз. – Должны ли мы понимать, что вы каким-то образом возлагаете вину на нас?

Зула достала из сумки очки и надела. Она давно не проверяла баланс на Доджевом счету, так что не сразу вспомнила интерфейс, но, когда вывела его, там по-прежнему был ноль.

– Никакой активности нет, – сказала она.

– Так он и ускользнул от нашего внимания, – ответил Метатрон. – Он черпает ресурсы каким-то способом, который мы не можем отследить. Однако нет сомнений, что в системе действует некий новый – или очень старый – агент, чьи знания, цели и характеристики олографически неотличимы от Доджевых. Нам стало известно о нем лишь недавно, но, вполне возможно, он прятался на виду много лет.

– И что? – спросила Зула. – Даже допуская, что это правда?

Однако ей хотелось верить, что это правда.

– И опять-таки, как вы можете это знать? – добавил Корваллис.

Метатрон как будто задумался перед ответом.

– Мы разработали более эффективные методы коммуникации между живыми и мертвыми, чем что-либо вам известное.

Теперь они на время умолкли и задумались. Говоря с без-

ликим роботом, не проявляющим нетерпения и вообще каких-либо чувств, проще молчать, чем в обычном разговоре.

– Проводите спиритические сеансы? – спросила Зула. – Столы вертите?

– В годы перед своей смертью, – ровным голосом ответил Метатрон, – Эл, предвидя необходимость таких улучшенных каналов, вложил в исследования радикального семантического отрыва и возможностей его преодоления. Он заложил инфраструктуру для подобных коммуникаций и указал пути ее развития после его смерти. Эти средства несовершенны, однако позволяют установить, что последние действия вышеупомянутого процесса создали серьезные помехи для деятельности Эла, чрезвычайно важной не только для него, но и для вас.

Последние загадочные слова робот прояснить не удалось.

– Можете вы рассказать подробнее об этой деятельности и как ей помешали? – спросил Корваллис и глянул на Зулу.

Они были знакомы так долго, что она угадала, о чем он думает и к чему задал свой вопрос.

Сейчас время в Битмире текло чуть медленнее, чем в Митспейсе. Несколькими месяцами раньше что-то произошло на территории дворцовой структуры, которую Додж выстроил, а Эл захватил. В стене образовалась дыра. Два процесса – аномальные – прошли в нее и не вернулись.

В Митспейсе это близко совпало по времени со смертью

Мэйв. Зуле и Корваллису было не до того, да и в следующие траурные недели тоже.

Но если сейчас Зула правильно поняла Корваллиса – а обычно она его понимала, – он гадал, связан ли уход двух аномальных процессов с нынешними претензиями Метатрона.

– Прямое, спланированное вмешательство возрожденного процесса, идентифицированного как Ричард Фортраст, – сказал Метатрон, – буквально у Эла на заднем дворе, вмешательство в экспериментальную программу, которая разрабатывалась десятилетиями.

– Разрешите нам минутку поговорить. – Си-плюс уперся руками в подлокотники, собираясь встать.

Зула последовала его примеру. Однако Метатрон оказался быстрее.

– Конечно. – Он встал и вышел из комнаты.

Корваллис глянул на Зулу.

– Два странных процесса, – сказала она. – В Саду, или что там это такое.

– Я считаю это опытно-конструкторской лабораторией, в которой Верна когда-то создавала новые самовоспроизводящиеся процессы, – сказал Корваллис. – Начиная с птиц и пчел. Два процесса, о которых мы сейчас говорим, гораздо более амбициозные проекты. Додж тоже как-то участвовал.

– Можем мы их отследить?

– Это единственное, что мы можем.

– Кто за них платит?

– Думаю, деньги идут из Земельных участков и Строений.

Корваллис говорил про бюджет, из которого ИСОП оплачивала моделирование Ландшафта, птиц, пчел, ветров и вод. Бюджет этот делился между Зелрек-Аалбергом и Саут-Лейк-Юнион по относительно несложной формуле.

– Надо будет еще раз проверить, – продолжал он. – Но в целом самовоспроизводящиеся процессы оплачиваются из Земельных участков. Может, оттого Эловы люди и бесятся.

– Почему ты так думаешь?

– Те два процесса, что несколько недель назад ушли из Элова заднего двора, по сложности сравнимы с человеческими. Если они способны к самовоспроизведению и могут породить себе подобных...

– И так далее и так далее, экспоненциально, – согласилась Зула.

Теперь все начинало проясняться. В физическом мире, где жили они с Корваллисом, имелось такое-то число живых. Актуарные таблицы показывали, сколько они проживут, что позволяло планировать дальнейшее расширение и поддержание ИСОП. Денежная сторона тоже была предсказуема. Сейчас большинство подписывалось на финансовый пакет – по сути страховой полис, гарантирующий, что после смерти их отсканируют и смоделируют в обмен на регулярные выплаты при жизни плюс финальный платеж по завещанию. Те, у кого не было средств на такие полисы, могли попасть в си-

стему иначе, например работая охранниками, механиками, строительными рабочими. Так или иначе, все это рассчитывалось исходя из демографической статистики. Земельные участки и Строения были достаточно предсказуемой частью схемы. Да, птицы и пчелы самовоспроизводились, но их моделирование стоило не так уж дорого.

Самовоспроизводящиеся сущности человеческой сложности – совсем другое дело. Никто из мертвых не умел создавать новую жизнь, так что до сих пор такой проблемы не возникало.

– Вообще-то меня это давно заботит, – признал Си-плюс. – Я их регулярно проверяю. Как заботливый дядюшка. Смотрю на их скорость сжигания капитала.

– И?...

– Довольно долго это были монотонные пилообразные импульсы. Как поначалу у Мозга Доджа.

Зула по долгому общению с гиками знала, о чем речь. Про себя она называла такие импульсы «сизифовыми». Это напомнило ей о книге Д’Олеров, а значит, и о Софии.

– То есть они растут до какого-то уровня, затем падают до нуля.

– Снова и снова. Я перестал смотреть.

Однако по движениям его рук и глаз Зула видела, что сейчас он смотрит через очки последнюю статистику темпов сжигания. От воспоминаний у нее потекло из носа. Она вытащила из сумки бумажный носовой платок.

– Угу, – сказал Корваллис. – Шесть недель назад они оба пробили потолок. Стали потреблять гораздо больше ресурсов. И с тех пор потребление росло. Они вышли из Сада, спустились к Рассаднику, двинулись на запад и...

– Что?! Что такое?! У тебя такое лицо, будто ты привидение увидел.

– Да. Увидел, – сказал Корваллис. – С ними Мэйв. Она умеет летать.

Они снова пригласили Метатрона, гадая, что известно его удаленным операторам. Могут ли те отследить участвовавшее дыхание и пульс? Подслушивал ли робот через стену? Когда Си-плюс проверял статистику по беглым процессам и сопоставлял ее с данными Мэйв, оставил ли он в сети дорожку из хлебных крошек, по которой идут теперь Эловы ищейки?

Не для того ли прислали Метатрона, чтобы вызвать у них именно такое поведение?

– Зачем вы здесь? Что вам нужно? – спросила Зула, не давая Корваллису времени усложнить все еще больше.

– Я представляю интересы Эла, – сказал Метатрон. – И я здесь, чтобы четко заявить нашу позицию.

– В чем она состоит? – спросил Корваллис. – Мы будем признательны, если вы ее изложите.

– Мы считаем, что нынешние действия ВоЖда...

– Кого, простите?

– Возрожденного Ждода.

– Хорошо, продолжайте.

– Что эти действия, пусть и осуществляемые в чрезвычайном малом масштабе, имели очень значительные последствия. Что они враждебны и чреватy катастрофой. Короче, что они носят характер войны.

– Что? Ты правда произнес слово «война»? С твоей программой все в порядке? – резко спросила Зула.

– Моя программа исправна, и мой выбор слов тщательно обдуман и санкционирован высшей властью.

– «Высшей властью»! Вот так выбор слов! – фыркнула Зула.

– Ты – Эл Шепард? – спросил Корваллис.

Зула ощутила холодок потустороннего. С мертвыми не разговаривают. Мертвые *не хотят* с нами говорить. Им неинтересно.

По крайней мере, так всегда считалось. Мертвые утрачивают память; пьют из Леты и под черными тополями забывают прежнюю жизнь. Так скорбящие родные вроде Зулы заглашали боль от того, что мертвые вроде Софии не звонят домой. Однако в глубине души таилось подозрение, что все не так просто.

Корваллис настаивал:

– Говорю ли я сейчас с Элом?

– Нет, – ответил Метатрон. – Но качество связи между этим миром и тем, в котором живет Эл, достаточно высоко. Можете считать меня его представителем. Послом.

– Его аватарой, – сказала Зула. – Ангелом.

– Так кто теперь употребляет странные слова? – спросил Метатрон.

– Что вам здесь нужно? – спросил Корваллис. – Определенно вы хотели не только нас напугать. Я хочу сказать, если вы хотели проверить, как мыотреагируем на известие о Возрожденном Ждоде, то вы свой ответ получили. Мы очень удивлены. Вот наш ответ.

– Удивлены и очень сильно сомневаемся, – добавила Зула.

– А теперь, когда вы это знаете, не могли бы вы встать и уйти? – продолжал Корваллис.

– Из упомянутого следуют вопросы, которые составляют конституционный кризис для ИСОП и не могут ждать разрешения до следующего Екопермона, – сказал Метатрон.

– Мы слушаем, – ответил Корваллис.

– О, вы сами все прекрасно видите, – проговорил Метатрон, впервые выказывая вполне человеческие чувства. – Все проблемы вытекают из первой. Я их кратко обозначу, просто чтобы нам определиться с повесткой дня. У нас есть самовоспроизводящиеся процессы, способные в теории к экспоненциальному росту. Будут ли они оплачиваться из Земельных участков и Строений? Мы не готовы возмещать львиную долю – да, кстати, и вообще никакую долю – издержек, вызванных неограниченным размножением таких процессов. Мы честно старались подавить проблему в зародыше, но наши усилия саботировал ВоЖд – почти наверняка в

сговоре с Софией. София, хоть и умерла, остается держателем токена с особыми полномочиями – благодаря беспрецедентным шагам, которые вы предприняли при ее загрузке.

– О боже, неужели мы снова к этому возвращаемся? – воскликнула Зула.

– А мы тем временем сталкиваемся с недостатком маны для полного воплощения наших клиентов. Приоритет должен быть отдан им – а не новым самовоспроизводящимся процессам.

– Что за фигня! Их всего двое, и они еще не воспроизводятся! – возмутился Корваллис. – Сейчас это чисто теоретическая проблема.

– Их сопровождает ваша покойная жена. Мы находим это примечательным.

– Имейте совесть! – воскликнула Зула. – С ее смерти трех недель не прошло!

Однако Корваллис сохранял спокойствие. В наступившей тишине он некоторое время смотрел в окно на озеро.

– Я никогда не понимал, как вы на самом деле относитесь к поэтапному воплощению, – сказал он наконец. Речь шла об их временной мере – загружать процессы в ресурсосберегающем режиме. – Сейчас вы жалуетсяе, что вам не хватает маны на полноценную загрузку каждого процесса. Но я помню Ком и помню, как он восхитил Эла. Вам никогда не нравился Ландшафт – то, что Додж создал его по подобию нашего мира. Не нравилось, что души строят себя и свою жизнь по

нашему образцу. Вы нацелились на что-то совершенно иное. Небеса два-ноль. Это мне очевидно. Но я понятия не имею, какими вы их воображаете.

– Ваши домыслы касательно наших мотивов и устремлений по-своему интересны, – заметил Метатрон, – но совершенно ошибочны и не имеют отношения к делу.

– «Конституционный кризис»? – проговорила Зула.

– Даже имеющиеся процессы создают для Ландшафта непосильную нагрузку, – сказал Метатрон. – Они допускают ошибки, которые мы уже делали в Митспейсе. Им нужно руководство.

– Мы должны им говорить, что делать, – сказала Зула. Не соглашаясь. Просто расшифровывая слова Метатрона.

– Именно так.

Часть 9

45

За те месяцы, что Адам с Евой обитали на холме, ходили по морю травы и исследовали долину с волками, они иногда примечали в траве или в развилке дерева облачка ауры. Обычно те были с кулак и невидимы, если смотреть прямо. Их можно было различить краем глаза, а их присутствие подтверждала легкая дрожь во всем теле, ощущавшаяся, если близко поднести руку. Однако их нельзя было ни тронуть, ни разглядеть по-настоящему – они были скорее отсутствием, чем присутствием формы. Некоторые, посильнее, излучали слабый свет. Они появлялись и пропадали, а если безлунными ночами смотреть на них с вершины холма, то казалось, что они медленно плывут на запад, к лесистой долине, как будто их тянет алое свечение в ночном небе.

Маб объяснила, что это новые души, которые пришли в мир недавно и еще не обрели устойчивую форму. Те, что явились в мир через Улей у подножия Элова Дворца, обычно принимали форму ячеек и присоединялись к тем, кто появился здесь раньше. Но другие, как сама Маб, начинали жизнь такими вот одинокими облачками и могли какое-то время носиться по воздуху над Землей, прежде чем офор-

мятся. Для новорожденных душ естественно тянуться к старожилам, вот почему Адам и Ева наблюдали ночами их движение к западу – новые души чувствуют город в той стороне.

Ночью на дереве они не видели блуждающих душ из-за яркого костра, который развели для защиты от диких зверей. Однако наутро, поднимаясь из долины к холмам, отделяющим их от города, они то и дело замечали комочки ауры или ощущали их близость пальцами ног. Позже Адам и Ева увидели белую каменную башню на хребте и дальше смотрели только на нее – а позже на город, когда тот открылся им с высоты: бессчетные крыши, дымящие трубы и открытый огонь. Впрочем, ближе к вечеру Ева начала оборачиваться, проверяя, нет ли волков, и увидела, что за ними следуют не волки, а десятки плывущих по воздуху новых душ.

Башню на хребте, видимо, строили, громоздя отесанные камни один на другой, пока не добились желаемой высоты. Чем ближе Адам с Евой подходили, тем меньше она напоминала Дворец, но ясно было, что строители подражали величественному Столпу Эла. Башня была много выше Адама и Евы – примерно как огромное ореховое дерево на вершине гостеприимного холма. Нижняя ее часть представляла собой конус, вокруг которого вился узкий подъем, дальше она становилась квадратной и вертикальной, с колоннами и арками, как у дворца. Три таких уровня, каждый меньше предыдущего, венчались маленькой плоской крышей, на которой горел огонь. Адам и Ева знали теперь, что огонь надо кормить.

И впрямь, другие души, обликом примерно как они, поднимались по лестнице с вязанками хвороста.

– Во имя Эла, добро пожаловать в Элохрам! – приветствовала их душа, стоящая неподалеку от основания башни. Как и души с вязанками хвороста, говоривший размером и обликом был сходен с Адамом и Евой. Его длинное одеяние, возможно, было когда-то белым, но потемнело от дыма и копоти. Не будь оно таким грязным, оно, возможно, напоминало бы облачение некоторых воинов Эла.

– Мы бы принесли дров для вашего огня, – сказал Адам, – если бы раньше догадались, что они нужны. Но когда мы это поняли, мы были уже там, где хвороста нет, потому и пришли с пустыми руками.

– Ничего страшного! Эл не обидится! – ответил мужчина в длинном одеянии. – Тем более что, как я вижу, вы привели с собой множество новых душ, дар куда более любезный Элу, чем хворост для его вечного огня.

– Они не наши, и мы не можем их дарить, – сказала Ева. – Они просто следовали за нами.

– Они стекаются сюда отовсюду, – молвил мужчина, – но редко сразу в таком числе. Сдается, Эл благословил вас способностью притягивать их к себе.

– В земле на востоке мы порой видели, как они плывут в эту сторону, – сказал Адам, – только не понимали почему.

– Что ж, теперь понимаете! – Мужчина кивнул на башню. – Хвала Элу!

– Правда? – спросила Ева. – Мы видим их и видим твою башню с голодным пламенем, однако мое любопытство еще не насытилось, поскольку я не знаю, что творится здесь с новыми душами.

– Так идем, и увидишь! Идем, и увидишь! – Мужчина поманил их за собой. – Я – Глядящий на Восток, и я здесь верховный жрец.

Адам и Ева назвали свои имена, ибо так, видимо, полагалось делать душам при знакомстве.

– Мы не знаем, что такое «жрец» и почему ты у них верховный, – сказала Ева. Она по привычке обернулась, ожидая увидеть Маб, которая часто объясняла им непонятное, однако фея куда-то подевалась.

– Это значит просто, что я ношу в голове много знаний касательно Эла и разъясняю такие вопросы душам, нашедшим дорогу в храм. – Произнеся это незнакомое слово, он кивнул на белую башню, до которой они уже почти дошли.

– Так ты часто беседуешь с Элом? – спросил Адам.

Они с Евой переглянулись. У обоих мелькнула одна мысль: возможно, Глядящий на Восток слышал их историю от самого Эла или от кого-нибудь из ангелов.

Вопрос как будто смутил Глядящего на Восток.

– Нет, конечно нет, если вы о такой беседе, как сейчас у меня с вами. С Элом не говорят. Возможно, так бывало до Переселения, но мало кто помнит те времена.

– Мы не знаем, что такое Переселение, – сказала Ева.

– Так появился Элгород, – ответил Глядящий на Восток. – В стародавние времена все души обитали в мире и гармонии у подножия Элова дворца. Покуда Эл в другом месте занимался своими делами, власть временно захватил Узурпатор. Он был жесток и могуч. Он метал молнии из Дворца. Все обитавшие внизу души рассеялись в страхе перед его яростью. Наши пращуры пошли на запад, пересекли реку и поселились в долине, которую вы видите под хребтом. Там они укрылись от ярости Узурпатора. Потом Эл вернулся, забросил Узурпатора с его клеветами на небо и заново отстроил Дворец, каким вы его сегодня видите. Мы воздвигли храм на высоком месте, чтобы Эл и Эловы ангелы, глядя с облачных седалищ, видели, как мы его чтим.

Адам и Ева вошли за Глядящим на Восток в помещение, которое занимало почти весь нижний этаж башни. Оно было квадратное, никак не украшенное и пустое, если не считать двух каменных изваяний, мужского и женского. У обоих было то же число и расположение конечностей и внешних органов, как у Адама с Евой, да и у самого Эла.

Некоторое время Адам и Ева молча разглядывали изваяния.

– Сии облики Эл в своей мудрости нам определил. Новые души стекаются на свет костра. Здесь они созерцают эти облики и формируют себя соответственно, выбирая мужской либо женский вид по зову своей природы.

Теперь, когда глаза привыкли к полутьме, Адам и Ева

различили вокруг множество аур, одни покрупнее и более оформленные, другие маленькие и неопределенные. Они были не разбросаны как попало, а окружали изваяния широким кольцом, как будто смотрят внутрь. Теперь тут стало довольно тесно, поскольку вслед за Адамом и Евой всплыли новые души и каждая выискивала себе место поудобнее.

– Новые души создадут себе положенные формы, одни раньше, другие позже, ибо Эл положил всем развиваться с разной скоростью. Но однажды они достигнут такого совершенства.

И Глядящий на Восток с блаженной улыбкой простер руку к изваяниям.

Адам и Ева не видели в них особого совершенства – обе фигуры были грубые, с невыразительными чертами.

– Должен с прискорбием заметить, – продолжал Глядящий на Восток, – что вам обоим это уже не удастся.

– О чем ты? – спросил Адам.

Тон и взгляд у Глядящего на Восток стал как у Эла, когда тот брался развеять какое-нибудь их особо глупое детское заблуждение.

– По воле Эла душа, принявшая конкретную форму, почти не меняется. Да, упорными трудами можно достичь мелких улучшений. Но я пытаюсь объяснить, что вы формировали свой облик в диких краях за рекой, без *таких* образцов для подражания, а значит, ваши ошибки и уродства, как ни печально, закрепились *навсегда*. Вы никогда не достигнете

подобного совершенства.

И он вновь указал на статуи с тем благоговением, какое ангелы выказывали Элу. Потом обернулся к Адаму и Еве и скривился, как они сами, когда впервые ощутили вонь собственных испражнений.

На какое-то время оба утратили дар речи. Адам чувствовал, что Еву распирает от злости, поэтому ласково взял ее за плечо и сказал:

– Мне не верится, что такие формы и впрямь предписаны Элом для всех будущих душ. Их несовершенство видно с первого взгляда. У женщины левая грудь изуродована выщербинной. Рука отломана и приделана обратно кое-как. У мужчины лицо несимметричное, правый глаз...

Тут Адам умолк, потому что Ева ухватила его за руку и ущипнула. Проследив ее взгляд, он запоздало увидел, что правый глаз у верховного Элова жреца ниже левого – в точности как у мужского изваяния.

– Не вам, невежественным уродам из диких краев, рассуждать, что предписано Элом. – Его скособоченный взгляд устремился на новые души. – Хорошо, что они попали сюда до того, как на них всерьез повлиял облик вас двоих.

– Можно просто спросить его, – сказала Ева.

Адам понимал, что она имеет в виду: «Можно просто спросить Эла». Но теперь настал его черед призвать ее к осторожности. Что-то в речах жреца подсказывало, что тот никогда не видел Эла и не разговаривал ни с Элом, ни с кем-

либо из ангелов.

– Прости мои неосторожные слова, – сказал Адам. – Меня смутило, что я не вижу здесь ни одной души, которая бы далеко продвинулась к определенному облику.

– Такие переходят на следующий уровень, – объяснил Глядящий на Восток и поманил их за собой на лестницу.

На втором этаже не было изваяний, но стены оказались расписаны изображениями мужчин и женщин, очень похожих на двоих внизу. Эти мужчины и женщины добывали камень, сажали растения, протыкали копьями волков, стряпали еду и спаривались. Души, числом около десяти, довольно близкие к завершённой форме, смотрели на стены и повторяли то, что там изображалось.

– Так они познают созданный Элом мир, дабы прийти в Элгород не на хлебниками. Другие, больше и лучше сформированные, идут вместе со жрецами Эла в город или в холмы и там совершенствуют свои умения.

– А третий этаж над нами? – спросила Ева.

– Он для меня и для других жрецов Эла, – ответил Глядящий на Восток. – Туда вход воспрещен.

– Так что случается с новыми душами?

– Когда они полностью оформятся, то спускаются в Элгород и находят там себе занятие.

– А кто носит хворост? – спросил Адам.

– Ты задаешь очень много вопросов, – сказал Глядящий на Восток, удивив Адама и Еву таким замечанием. Впрочем,

после неловкой паузы жрец все же ответил: – Элгород, как явствует из названия, выстроен для служения Элу. Все его жители носят хворост для огня и помогают жрецам исполнять Элову волю.

Разговор, похоже, окончился. Остаться Адаму и Еве здесь было негде, да и незачем, так что они повернулись спиной к Элохраму и зашагали вниз по дороге, петляющей по склону холма. Город они скорее обоняли, чем видели. Влажное марево висело в безветренном воздухе, подсвеченное изнутри алыми огнями костров. От него сильно тянуло дымом и, послабее, испражнениями. Элгород лежал под ними неправильной сетью; через город текла река, и улицы повторяли очертания ее берегов. Адам и Ева, выросшие в Саду, впервые видели улицы и дома, но Маб на спуске объяснила им эти новые понятия, и в город они вступили, уже зная, что это такое.

– Когда мы росли в Саду, – заметил Адам, – то задавали Элу и его воинам много вопросов, и нам охотно отвечали. А этому Глядящему на Восток наши вопросы совсем не понравились.

– Насчет Глядящего на Восток ты прав, – сказал Ева, – но про Сад мне помнится иначе. Да, когда мы были маленькими, Эл с удовольствием отвечал нам, как называются цветы и все остальное, но в последнее время ему очень не нравилось, что мы спрашиваем про Весну и других бета-богов.

– Твоя правда, – согласился Адам. Некоторое время они

молчали, преодолевая трудный отрезок дороги. – Может, и к лучшему, что разговор закончился, а то я уже хотел поправить Глядящего на Восток.

– В чем? – спросила Ева. – Почти все его слова хотелось поправить.

– Насчет нашего с тобой облика. Глядящий на Восток утверждает, что обычная форма душ – две ноги, две руки, голова, лицо и все остальное – предписана Элом. Но Эл сам сказал, что не он нас сотворил, а Весна с помощью Ждода. Эл явился позже. Вовсе не Эл создал нашу форму – мою, твою, Глядящего на Восток и всех остальных жителей города.

– А если бы создал, она была бы посовершенней грубых изваяний в храме, – заметила Ева. – Что ни говори про Эла, творения его симметричнее и красивее того, что мы видели здесь.

– Для живущих внизу, – напомнил Адам, указывая на город, – они прекрасны, а мы уродливы. Надо привыкать, что на нас будут смотреть как тот жрец.

По элгородским домам было понятно, как их строили: иногда складывали прямоугольные бруски один на другой, пока не становилось ясно, что добавь еще один – все рухнет, в других случаях проделывали то же самое с поваленными деревьями. Когда громоздить камни или бревна еще выше становилось опасно, их накрывали деревянным каркасом и травой для защиты от снега и дождя. Адам и Ева сперва недоумевали, где горожане добыли столько деревьев и оди-

наковых камней. Однако, пойдя на алое зарево, они вскоре узнали ответ. В центре города, на берегу реки, было сложено множество поваленных деревьев. Они служили топливом для огромных костров, которые горели в каменных коробах размером с дом. Землю с берегов реки месили вместе с водой, лепили из нее бруски и убирали в огненные короба, где они становились твердыми. Черный песок с другого участка реки плавил и превращали в металл, а из металла делали орудия для рубки деревьев. Эти огни горели день и ночь. Топливо, чтобы их поддерживать, добывали так: валили деревья где-то в другом месте и сплавливали по реке.

За первые часы в Элгороде Адам и Ева узнали множество всего о том, как души вместе живут, вместе работают и строят. Им было так интересно, что они не вспоминали о голоде и усталости, пока не занялась заря нового дня и над белой башней Элохрама не поднялось солнце. Но тогда Ева, положив руку на выпирающий живот, объявила, что ужасно устала и хочет есть.

Еду работникам ставили на длинные столы на открытом участке возле больших огней. Почти вся она была Адаму с Евой незнакома. Жители Элгорода умели печь круглый плоский хлеб и мазать его медом, а еще у них были яблоки и другие плоды, которые Адам и Ева знали по Саду. В целом горожане ели гораздо лучше, чем привыкли они сами; здесь не было дичи, но была рыба из реки и большое разнообразие

растительной пищи. Пришельцам в еде не отказывали, потому что работающих у печей и горнов кормили от пуза. Адам и Ева быстро освоились и начали помогать работникам. Учились они быстрее, чем другие новые души, и могли взвалить на себя более тяжелую ношу. Судя по всему, они и умственно, и телесно превосходили души, вышедшие из Элохрама. В дыму и отблесках пламени это было не так очевидно, как теперь в свете утра. Адам и Ева, высокие, едва прикрытые шкурами мелких зверьков, постоянно ловили на себе взгляды кособоких лиц, более или менее похожих на изваяния в храме. Никто из горожан не захотел сидеть с ними за столом, так что они устроились на дальнем конце скамьи из расколотого ствола и наелись досыта. От этого накатила дремота, особенно на Еву, которая с тех пор, как у нее начал расти живот, спала все больше и больше.

Они не думали, где лягут спать, потому что привыкли ложиться где захотят. Сейчас они тщетно оглядывались в поисках дерева или лужайки. То было обычное затруднение новых душ, не успевших построить себе дома. Им было отведено место под большим навесом с очагами, в которых для защиты от холода постоянно горел огонь. Адам и Ева легли рядом возле очага и проспали до вечера, когда Еву разбудил голод и потребность справить нужду. Так они узнали, как это делается у горожан. Все испражнялись в большие общие чаны; когда те наполнялись, их выливали в реку.

За вечерней трапезой к ним подошла душа, больше похо-

жая на них, чем на горожан.

Мужчина, как и они, был выше всех в Элгороде и правильно сложен. Вокруг порхала едва различимая в вечернем свете Маб, направляя его к Адаму и Еве.

– Я – Скиталец, – объявил он.

– Адам и Ева, – ответил Адам и за себя, и за спутницу, у которой рот был набит хлебом.

Мужчина смерил их взглядом, словно проверяя, и впрямь ли они не такие, как прочие здешние души. Они тоже внимательно его разглядывали. Судя по суровости его лица, он явился на свет в незапамятные годы назад и многое с тех пор повидал.

– Давно ты живешь в Элгороде? – спросила Ева.

Ибо Скиталец отличался обликом от горожан, но одежду носил из такого же пряденого волокна, и, хотя привлекал взгляды, большинство горожан смотрели на него без любопытства.

– Я тут поселился, когда его еще не было, а прежде жил в Первом городе. – Он оглядел их с головы до пят. – Да и вы, судя по виду, – только я вас не припомню, а знал там каждую душу.

– Мы никогда прежде не бывали в городах и сюда пришли только вчера, – сказал Адам.

– А где Первый город? – спросила Ева. – Если есть еще такие же, может, нам стоит...

– Его больше нет, – ответил Скиталец. – А раз вы этого

не знаете, то история, как вы сюда попали, должна быть во- истину необычной.

Адам пожал плечами:

– Нам она кажется вполне заурядной. Но из того, что мы видели в храме и у реки, должен признать, что здесь ее сочли бы необычной.

– Мои друзья не сочтут, – пообещал Скиталец. – Если хотите, идемте со мной в Стан.

И он поглядел за реку.

На западном берегу тоже были печи, горны и дома, но не столько, сколько на восточном, и поменьше размером, более старые на вид. Скиталец переправил их через реку в лодке – гребя веслами или отталкиваясь длинным шестом, в зависимости от глубины. От реки они довольно быстро поднялись на холм, застроенный бревенчатыми домами древнее тех, что на восточном берегу. Несколько больших деревьев не вырубил, так что в Стане, как называл это место Скиталец, Адам и Ева вновь почувствовали себя в лесу – только без волков.

Стан разбили на плоской вершине холма. В центре его было углубление, откуда ведрами черпали воду, а вокруг вытянутым кольцом стояли самые древние дома. Те, что поновее, располагались дальше, но их общее число не превышало двадцати. По большей части они состояли из единственной комнаты с очагом, лежанкой и столом. Жилище Скитальца

было такое же, а еще он добавил к дому покатый навес на столбах из вбитых в землю тонких стволиков. Все крыши густо покрывали прелые листья, мох и трава, из которой пробивались другие растения, так что казалось, будто холм поглощает жилища.

На крыльце, как Скиталец называл место под навесом, был небольшой очаг, и там еще тлели уголья. Адам и Ева догадывались, что, пока они спали, Маб разыскала Скитальца и убедила забрать их с другого берега. Сейчас он подбросил дров и начал греть воду в емкости из кованого красновато-бурого металла. Адам и Ева сидели рядом на скамье и разглядывали центральную часть Стана. Они знали, что находятся на холме, но дома и деревья почти заслоняли обзор. Вдалеке различался Элохрам, но все, что дальше на востоке, закрывал хребет. Они ничуть не огорчились, что не видят далекого Элова Дворца, а тот не видит их. По большей части они разглядывали Стан и немногочисленные души, ходившие между домами. Те в основном имели тот же облик, что Адам, Ева и Скиталец.

– Они, наверное, тоже пришли из того места, о котором ты говорил. Из Первого города, – заметила Ева.

– Да, – ответил Скиталец. – А некоторые поселились здесь еще до того, как возник Первый город. Вот, например, Каирн.

Скиталец вроде бы указывал на пирамиду буровато-серых камней в другом конце Стана. Она сплошь поросла густым

мхом, так что, казалось, стоит тут давным-давно. Однако в следующий миг она вытянулась вверх, стряхнула палые листья и зашагала под деревья тяжелой раскачивающейся походкой. Адаму и Еве вспомнилось, как холм шел по равнине спасать их от волков.

– Другие напоминают цветы или деревья, – добавил Скиталец, – а некоторые ходят на четырех ногах. Они, впрочем, предпочитают глухие места. Но я, как и другие, появившиеся примерно в одно время, брал за образец Стража и остальных членов Пантеона.

– Сколько же интересного вы, наверное, можете рассказать про то время! – воскликнула Ева.

– Только некоторые из нас. Многие забывчивы. Вон та женщина с ведром – она старше меня, а помнит меньше.

– Если ты не забывчив, не мог бы ты рассказать нам о Первом городе и о том, как появились Элгород и Стан? – попросила Ева.

Скиталец уже вскипятил воду и бросил в нее какие-то сухие листья, очевидно с намерением позже разлить ее в три емкости поменьше.

– Души являлись, как и сейчас, но ничего этого не было.

– Стана?

Он помотал головой:

– Земли. Всей Земли. В те дни была только обсаженная деревьями улица. Число душ росло, и Ждод время от времени спускался и создавал дома. В них мы и жили.

– Ты хорошо знал Ждода?

Скиталец вновь помотал головой:

– К моему появлению он уже окружил свою обитель стенами, а Страж, как понятно из имени, не впускал туда городские души. Ждод много времени проводил вдалеке, в местах, о которых мы ничего не знали. Мы видели, как он машет огромными крыльями, пока не исчезнет за горизонтом. Из этого я понял, что существуют другие места, не менее интересные, чем Первый город. Однажды я вышел из города и шел, и шел, и шел, а здесь остановился. Тут мне понравилось больше, чем в городе, где стало тесновато.

– А волки на тебя нападали? – спросил Адам, а Ева в то же мгновение спросила: – Что ты ел?

– Это было до употребления пищи и до волков, – ответил Скиталец. – И то и другое появилось позже. Я после долгого времени вернулся в город и увидел, что все что-то кладут себе в рот и срут с другого конца, что объясняло вонь, которую восточный ветер доносил до меня в предыдущие дни. Я и сам стал едуном и сруном. Потом Весна создала различных тварей, в том числе тех, что склонны поедать нас.

– А Весну ты знал? – спросила Ева.

И вновь Скиталец помотал головой:

– Никто из нас не видел Весну – только ее творения. Она никогда не бывала в Городе. Говорят, во время Падения она трудилась над созданием двуногих существ, таких как мы. А что случилось с Пантеоном дальше, мы, разумеется, не знаем.

Все это было так интересно, что Адам с Евой растерялись, какие вопросы задать. Скиталец разлил горячую бурую жидкость из большой емкости в маленькие и показал, что это можно пить, если они захотят. Свою емкость он взял осторожно, как будто та может укусить. Огонь вложил в жидкость очень много жара.

– Падение? – спросил Адам.

– Старых богов, – ответил Скиталец и, поскольку они не поняли, добавил: – Ждод и его Пантеона, когда Эл явился во славе со своим воинством и зашвырнул их на небо. – Несколько мгновений он смотрел на Адама и Еву, потом рискнул отхлебнуть. – Вы и впрямь откуда-то издалека, коли не слышали этой истории.

Ева покраснела:

– Мы вовсе не так невежественны. Мы знаем, Эл живет со своим воинством во Дворце, высоко в облаках над гудящим ульем душ. Мы знаем, что Ждод, Весна и другие члены Пантеона были первыми, что Эл их вышвырнул и они всячески ищут пути вернуться.

– Правда? – воскликнул Скиталец. – То, что ты сейчас сказала, чрезвычайно важно, однако ты говоришь об этом со всей уверенностью, хотя многое другое вам неизвестно.

Оба не знали, как ответить, поэтому отхлебнули горячего напитка.

– О Падении знают все, – сказал наконец Скиталец, – и я не стану умалчивать о том, что легко узнать. Первый город

превратился в нечто вроде Улья и вырос почти до размеров Ждодова Дворца. Светозарной молнией обрушил он Улей. Уцелевшие души рассеялись по всей Земле. Говорившие на одном наречии ушли в одну сторону, на другом – в другую. Я увел часть сюда, в место, которое знал по моим скитаниям. Мы прошли по морю травы и спустились в долину, где ночью напали волки; мы отбились от них орудиями, какие нас научил делать Делатор, и продолжили путь. Поднялись по восточному склону вон того хребта и ненадолго остановились, потому что я заблудился, пока мы спасались от волков.

Я стоял на хребте, глядя на запад в долину. Внезапно спину мне обдало жаром, и я увидел, что повсюду пролегла глубокая тень от нового света ярче солнца. Мои спутники изумленно восклицали. Я обернулся. Лучезарный Эл опускался на вершину Столпа над развалинами Города и улья. Мы увидели вспышки, словно блики солнца на бурной воде, а затем – Ждода и Пантеон, заброшенных в небо. Они сгорали, падая прочь от созданной ими Земли, пока не ударились о твердый небесный свод, а ударившись, пробили его, и он занялся огнем. Он пылает до сих пор, и вы можете это видеть в ясные ночи.

– Алая Паутина! – воскликнула Ева.

– Это называют по-разному. Ваше название не хуже других, – сказал Скиталец. Его напиток немного остыл, и он отпил большой глоток. – Таким было Падение старых богов. Я повернулся спиной к сиянию, которое многие объявили

сиянием славы, и с большей частью моего отряда спустился в долину, где мы основали Стан. Но одна из нас, по имени Медвяна – она когда-то была моей возлюбленной, – захотела остаться на хребте и любоваться сиянием Эла, так оно ее заорожило. Она и построила Элохрам. Многие души стекались туда и, обретя форму, приходили в долину. Мы в Стане учили их рубить деревья, разводить огонь, плавить металл, обжигать кирпичи, а также многим другим ремеслам, полученным от Искусницы и Делатора. Так появился Элгород.

Его слушатели задумались.

– Мы не видели Медвяну в храме, – сказал Адам.

Скиталец кивнул:

– Медвяна передала Элохрам жрецам, которых воспитала и обучила, а сама ушла через море травы к Улью и башне Эла в надежде обрести там счастье.

– Как давно было Падение? – спросила Ева. – Сколько стоит Стан – как много зим прошло?

Скиталец глянул на мужчину, который шел по Стану с бревном на плече.

– Спросите его, и он скажет – всего несколько лет, ибо он забывчив. Если хотите узнать точное число, вам надо пойти на запад и разыскать Пест, старую душу, которая записывала хронику всего, что видела. Сам я долго не считал годы, и много их минуло, прежде чем я стал делать зарубку на стене дома каждый год, как большое дерево сбрасывает листья. Я как раз собирался сделать это сегодня утром, когда появи-

лась ваша спутница, Маб. Можете пойти со мной и сосчитать – зарубки будут ответом.

При этих словах Скиталец достал из-за пояса стальной нож и проверил лезвие ногтем. Потом встал, распахнул дверь в свое жилище и оставил ее открытой на случай, если Адам и Ева захотят войти следом.

Они вошли и поначалу почти ничего не увидели, потому что свет проникал лишь в два маленьких отверстия. Стены из обтесанных древесных стволов были сизыми от времени. Когда глаза привыкли к полумраку, Адам и Ева увидели множество вертикальных зарубок на расстоянии меньше пальца одна от другой. Не все бревна были в таких пометках, но на большинстве они шли от стены до стены. Пока Адам с Евой смотрели, Скиталец провел пальцем по одному бревну и нашел место, где зарубки кончались. Здесь он и принялся работать ножом.

– Еще год минул, – заметил он.

Скиталец нашел в Стане ветхий дом, где никто не жил, и в следующие недели научил Адама и Еву обтесывать бревна и крыть крышу. Они починили те части дома, которые подгнили от дождей, и приготовились зимовать. Живот у Евы по-прежнему рос. Она стала ненасытной, но, даже поев, предпочитала не работать, а отдыхать либо сидела дома и упражнялась в ремеслах, которые Скиталец возводил к члену Пантеона по имени Искусница. Адам и Ева ходили уже не в зве-

риных шкурках, а в шитой одежде из тканой материи. С жителями Стана и Элгорода Ева почти не общалась. Маб все время проводила с ней, делясь знаниями о ремеслах и другими сведениями. Адам возил из-за реки бревна, кирпичи и всякие разности для Евы; за это он работал у печей для обжига и у горнов на берегу либо присоединялся к дровосекам, отправлявшимся выше и ниже по течению.

Чуть выше города сливались три реки. На расстоянии, которая душа может пройти за день, все деревья по их берегам давно вырубili. То же и вниз по течению. Когда город только построили, а зарубок на стенах в доме Скитальца было гораздо меньше, добывать бревна было значительно проще.

Адаму и Еве очень повезло, что у них был теперь собственный дом в Стане. На берегу Адам узнавал некоторые души, которые они с Евой видели в свой первый день в Элгороде. Даже сейчас, несколько месяцев спустя, у них своего жилья не было и не предвиделось. Некоторые сбивались в отряды и уходили вниз по реке или через западные горы в надежде найти место получше. Из них одни не возвращались, другие приходили, оголодавшие, и рассказывали о далеких городах, о тамошних диковинных обычаях и невероятно странных воззрениях на Эла и все прочее.

Адам завел привычку сидеть с ними за едой и слушать их рассказы. Они с Евой не забыли, что еще в Саду задумали обойти Землю и разыскать свою мать, Весну. Истории путешественников не внушали надежды, что Весну и других бе-

та-богов легко будет отыскать.

Средний и восточный рукава реки сходились у основания холма, лес на котором давным-давно свели за исключением одного исполинского дерева на вершине. Теперь оно стояло одиноко, и его было видно издалека. На стволе по-прежнему болтались обрывки веревок, брошенных прежними дровосеками, а к воде по-прежнему вела раскисавшая в дождь колея, по которой бревна некогда тащили к реке, где связывали в плоты. На дереве сохранились зарубки – его много раз безуспешно пытались свалить.

Адам работал не каждый день, но, когда работал, вставал на заре, шел к реке и переправлялся на какой-нибудь из лодочек, постоянно сновавших туда-сюда. Работники на другом берегу видели его заранее. Он был выше их и, когда наловчился орудовать топором, стал рубить быстрее, чем любые двое горожан. Обычно его поджидали загодя и начинали зазывать к себе, как только лодка приближалась к берегу.

Впрочем, однажды Адам спустился из Стана и увидел, что лодка ждет его прямо на западном берегу. Владел лодкой некий Руб, живший в собственном деревянном доме. Однако ему хотелось дом из обожженного кирпича, и потому он каждый день отправлялся валить лес. Недавно Руб ценой больших издержек и трудов выстроил себе эту лодку и теперь вместе с артелью из рослых умелых душ отправлялся в многодневные вылазки на далекие участки.

– Я давно смотрю, как ты каждое утро кукуешь на берегу в ожидании лодки, – сказал Руб. – Мне подумалось, что я могу тебе помочь.

И он положил руку на борт.

– Спасибо за заботу, – ответил Адам. – Хотя, вижу, твоя артель тоже не пожалела времени.

В лодке сидели еще шесть душ с топорами на коленях.

– Пустяки, – сказал Руб, – но, если ты и впрямь признателен, может, присоединишься к нам на сегодня? С моей лодкой и артелью мы за день нарубим больше, чем слабые и одинокие души за неделю.

Слова Руба разбудили в Адаме новое чувство: гордость, что именно ему предложили место в артели. Все работники смотрели на него, и у них были отличные большие топоры. Адам согласился и запрыгнул в лодку.

Он оказался напротив Точилы, души, с которой ему случалось работать прежде. Это вызвало менее приятное чувство, поскольку Точила имела привычку пристально наблюдать за Адамом, а это было неприятно. Точила не была особенно рослой и сильной, однако умела ловко острить топор на камнях, которые носила в сумке из шкуры какого-то животного. Поэтому она рубила деревья быстрее других. Рядом с ней сидел Яр. Пока не пришел Адам, Яр был самой рослой и сильной душой в Элгороде. Адам догадывался, что Яр спит с Точилой.

Руб обыкновенно отправлялся вверх по реке в какой-ни-

будь дальний стан на западном рукаве. Течение там было быстрее, чем в двух других, и на берегах осталось больше хороших деревьев. Они прошли на веслах мимо исполинского дерева на холме у первой развилки и дальше до того места, где бурные воды Западной вливались в медленную Среднюю, и направили лодку в левый рукав. Река пыталась вытолкнуть их, словно наделенная собственной душой.

– Адам и Яр, – сказал Руб, – пришло время гребцам послабее подвинуться, а вам взяться за весла.

Яр встал и сменил душу поменьше на средней банке, где сидели гребцы. Он мощными руками ухватил весло и выжидательно глянул на Адама. Тот понял: от него ждут того же. Адам не привык, чтобы другие души им командовали, но видел, что так тут принято, поэтому сел рядом с Яром и взялся за другое весло.

– Гребите! – крикнул Руб.

Яр налег, и лодка повернулась. Все недовольно глядели на Адама.

– Гребите! – повторил Руб.

Адам попытался сделать то же, что Яр, и все равно гребок Яра получился сильнее. Руб велел Адаму грести одному, чтобы выровнять лодку.

– И налегай со всей мочи, дылда! – вставила Точила. Адам сразу вспомнил, за что ее не любит.

– Я взял тебя за острый топор, а не за острый язык, Точила, – одернул ее Руб. – Займись-ка лучше своей работой.

Адам опешил; он не привык, чтобы одна душа так говорила с другой. Однако Точила послушно достала из сумки камень и принялась острить лезвие топора.

Грести было утомительно, но, стоило Адаму хоть немного ослабить усилия, Яр начинал грести еще сильнее, и лодка разворачивалась поперек течения. Каждый раз Руб недовольно говорил, что они теряют время, потому что река гонит их назад. Постепенно Адам научился грести в лад с Яром, точно соизмеряя силы. Какое-то время спустя Яр устал и начал грести медленнее. Адам тоже снизил темп, чтобы лодка шла ровно.

Еще до полудня они добрались до места, где вырубка сменялась лесом. Тут они вытащили лодку на берег и принялись орудовать топорами – все, кроме Руба. Тот расхаживал взад-вперед по берегу, внимательно глядя на землю.

– Тут побывал Тук со своей шайкой, – сказал он наконец. – Я вижу следы его ножищ.

Адам принялся за большое дерево, однако Руб велел ему взяться за другое, еще толще. Адам размахнулся топором, но понял, что лезвие затупилось. Неподалеку Точила куда быстрее продвигалась с деревом потоньше. Адам попросил у нее камень из сумки. Она с большим удовольствием посоветовала ему отправиться в глухой лес на корм волкам. Адам спустился к реке и нашел подходящий камень. Руб подошел спросить, отчего Адам не делает, что велено. Адам объяснил. Руб взял его топор и проверил лезвие.

– Точила! – заорал Руб, хотя отлично видел, что она неподалеку.

Он орал, пока она не подошла, а тогда принялся ее бранить. Адам точил топор чуть поодаль, и плеск реки заглушал слова, однако тон был вполне понятен. Некоторое время они переругивались, потом Руб размахнулся и с такой силой ударил Точилу по щеке, что она упала на землю.

Адам не в первый раз видел, как одна душа бьет другую – работники у реки иногда дрались. Однако тут было нечто другое. Руб ударил Точилу не в пылу злости, а так, как делали все остальное: тщательно обдумав заранее. Из леса появился Яр, но не упрекнул Руба и не бросился на выручку Точиле, а как будто съезжился.

Позже в тот день Адам, уставший от долгих часов гребли и работы топором, решил немного отдохнуть, когда сзади раздался треск ломающегося дерева. Он оглянулся. Дерево падало прямо на него. Адам отпрыгнул в сторону. Его сильно хлестнуло веткой, так что из плеча пошла кровь, но больше ничего плохого не произошло.

В конце дня Руб сказал заканчивать работу и возвращаться в лодку. Они поместили бревна, сложенные на берегу, столкнули лодку на воду и залезли в нее. По течению грести было проще, так что Адам с Яром отдыхали, а на веслах сменялись души поменьше.

С того мгновения, когда Руб ударил Точилу по лицу, а Яр, видя это, только повесил голову и опустил плечи, тот в

глазах Адама как будто уменьшился. Точила тоже держалась с Адамом без прежней спеси и прятала от него глаза. Одна сторона лица у нее распухла и побелела.

Когда вечером Адам, чуть не падая от усталости, вернулся домой, Ева спросила, отчего у него рана на плече. Адам начал рассказывать, но, увидев, что она встревожена, постарался изложить все в очень смягченном виде. Он знал, чего боится Ева. Недавно они узнали, что сильно пострадавшие в таких происшествиях перестают существовать: их души покидают испорченные тела, и те растворяются, а души то ли исчезают совсем, то ли улетают и не возвращаются.

– Я буду очень осторожен, – заверил ее Адам, – и никогда не подвергну себя такой опасности.

Однако про себя он подумал, что будет, если недоброжелатель нарочно толкнет на него подрубленное дерево. Ева вроде бы немного успокоилась. Но она все равно видела, что он ушел на целый день и вернулся грязный, окровавленный и обессиленный.

– Зачем тебе столько трудиться, если здесь у нас есть все, что нужно? – спросила она. – Оставайся лучше со мной!

– Ты сама знаешь зачем, – ответил он. – Маб предсказывает, что скоро нас будет больше. Дом у нас уютный, но старый, и места в нем мало.

В тот вечер Ева не стала больше спорить, видя, как сильно он устал. Они и раньше о таком говорили, и Ева понимала: Адаму нравится валить деревья в диких местах, и никакие

ее слова этого не изменят.

После этого Адам стал каждое утро садиться в лодку Руба. На второй день он греб сильнее, чем Яр, так что лодку то и дело разворачивало, и теперь Руб упрекал и высмеивал Яра. Адама это радовало: он чувствовал, что в какой-то мере отплатил за вчерашнее происшествие. У него почти не осталось сомнений, что дерево исподтишка толкнули Яр или Точила.

Во всяком случае, больше деревья на Адама не падали. Они с Яром, не сговариваясь, гребли теперь с одинаковой силой, и лодка шла ровно, хотя Руб и подначивал их состязаться. Впрочем, по большей части путь вверх по течению и обратно проходил в молчании или в пустой болтовне. Руб расспрашивал Адама, где они с Евой живут, достаточно ли велик их дом, хорошо ли обустроен и так далее в том же духе. Адам догадывался, что Руб ничего не говорит просто так, а всегда с какой-нибудь целью. В данном случае он хотел, чтобы Адам желал большего, а значит, греб быстрее и валил больше деревьев.

Так же – и с тем же умыслом – Руб и остальные расспрашивали его про Еву. Они не видели ее после первого дня в Элгороде, но слышали о ее необычном облике. Все понимали, что, хотя Ева уступает Адаму ростом, она все равно больше и сильнее большинства элгородских душ и, если бы захотела работать, легко их обогнала.

О том, что на самом деле происходит с Евой, они не имели ни малейшего понятия. Им было невдомек, что души могут производить на свет другие души. Адам, наученный общением с Рубом, Точилой и Яром, держал язык за зубами. Он сказал лишь, что Ева занимается в Стане теми ремеслами, что ей по душе, и в ближайшее время не присоединится к ним в лодке.

Они связывали деревья в плоты и сплавливали их по Западной до ее слияния со Средней, а дальше до впадения Восточной у большого голого холма с одиноким деревом. На этом месте Руб всегда прерывал упреки, вопросы и другие тщательно просчитанные слова. Он смотрел на дерево, и все остальные, не смея прерывать его молчание, тоже смотрели, как будто сговариваясь когда-нибудь его срубить.

Затем они огибали излучину, и оно пропадало из виду. На берегу, где горели огни, бревна считали, сортировали и складывали в штабеля. Все их помечали знаками владельцев. Адам научился делать свой знак. По большей части его штабель рос. Впрочем, иногда, подходя проверить, Адам видел, что в его отсутствие бревен стало меньше. Он поделился этим наблюдением с Рубом. У того был наготове ответ: иногда надо «вычитать» бревна у членов артели, например если те работали недостаточно хорошо.

Объяснение было понятное, но Адам чувствовал, как будто от него что-то убыло. Руб вроде бы это понял и признал, что никто не любит «вычетов» и он сам предпочел бы без

них обойтись. Однако таковы нынешние порядки. В Элгорде стало тесно, за новыми бревнами надо отправляться все дальше и дальше. Некоторые вовсе ушли из города и живут в лесах, как дикие звери. Некий Тук сколотил из таких несчастных целую шайку; они крадут бревна у честных элгородских дровосеков и нападают на них в диких местах. Шло к тому, что им всем придется делать выбор: оставаться в городе и делать его лучше или рассеяться в лесах. Решением стала лодка Руба. Другие, завидуя его успехам, уже строили себе такие же.

После этого разговора Адам вернулся в свой дом за рекой. Ева глянула на него тревожно, уж очень он был вымотанный. Адам начал ее успокаивать, говоря, что его штабель растет и, когда бревен станет довольно, он свяжет их в плот и перегонит на другой берег, чтобы расширить дом.

Скиталец часто навещал Адама, Еву и Маб в их домике. Познакомились они и с другими душами в Стане, но те по большей части были забывчивыми. Ева не могла скрыть свой растущий живот. Скиталец сказал, что видел четвероногих животных, когда те собираются произвести на свет себе подобных, и ему кажется, с Евой происходит то же самое. После этого Адама и Еву прорвало; так бывает, когда на реке тает ледяной затор и все, что за ним скопилось, устремляется вниз. Они рассказали, что происходят от Весны и Ждода и на свет появились иначе, чем все остальные души на Земле. Что они родились и выросли в Саду и оттуда их изгнал сам

Эл. И что Скиталец угадал – Ева вынашивает новые души.

Скиталец спросил, за что Эл их изгнал, и они рассказали про червяка, который как-то проник в Сад, поведал им о Первой эпохе, подсказал имена из еще более давнего прошлого и был убит Паладином Эла.

Скиталец дивился всему, что они говорили, и особенно последним словам. Впрочем, он признал, что с первого дня догадался: Адам, Ева и фея-хранительница совсем не такие, как души, приходящие сюда из храма, и объяснить это может лишь самая удивительная история вроде той, что они сейчас изложили.

Минула зима, начала пробуждаться весна. Как-то ночью Ева пришла в сильнейшее исступление тела и разума – Адам испугался, что она разорвется на части. Аура пылала вокруг нее, как пламя, в котором выплавляют сталь; от груди и до колен она вся обратилась в хаос, и хаос этот охватывал руки тех, кто пытался ей помочь. Они уже боялись, что она совершенно растворится, когда услышали тихий крик души, на Земле прежде не виданной, потом еще и еще. С каждым криком исступление и клубящийся хаос ослабевали, так что вскоре они увидели ее порождение: двенадцать душ, крохотных, но безупречных подобий Адама и Евы. Они явились на свет не облачками ауры, а воплощенными душами, одетыми в кожу и наделенными пальчиками и личиками. Головка у каждого была окутана аурой, которая тянулась наружу и

быстро втягивалась обратно.

Рождение двенадцати малюток отняло все силы даже у Адама, хотя он, собственно, ничего не делал, только поддерживал Еву словами и время от времени исполнял поручения Маб. Фея не могла сама, например, принести воды из колодца в центре Стана, но знала, когда Еве нужно пить или ополоснуться.

Малюткам лучше всего было рядом с Евой, которая постепенно возвращалась к форме, какая была у нее в Саду. Они по большей части хотели спать, и Ева тоже. Адам укрыл их потеплее, развел огонь в очаге пожарче и вышел на поляну в середине Стана подышать свежим холодным воздухом. На небосводе ярко сияли звезды. Прямо над головой медленно двигалась Алая Паутина, мерцали ее далекие огни. Адам чувствовал, будто за ним наблюдает исполинское око. Он отвел глаза, как когда ловил на себе взгляд Руба, и заметил, что из домика к нему летит фея.

– Все случилось, как ты предсказывала, – заметил Адам, – хотя для меня загадка, откуда ты это узнала.

– Для меня тоже, – ответила Маб. – Знание не хранится в моем разуме как что-то, что я усвоила. Однако, когда оно нужно, я способна его извлечь.

– Может быть, ты сможешь извлечь знание о формах, – сказал Адам. – Я думаю об этом последнее время, ибо вижу изменения в моих товарищах по артели. Я гнал такие мысли, уж очень они меня смущают и огорчают. Но, глядя на двена-

дцать безупречных малюток, что произвела на свет Ева, я не могу отделаться от этих мыслей.

– Что ты хотел бы узнать? – спросила Маб.

– Когда нас прогнали из Сада, я думал, наш облик никогда не изменится. И когда мы пришли в Элохрам, Глядящий на Восток сказал, что душа, обретшая законченную форму, уже потом не меняется. И все же когда я впервые увидел Точилу, она была куда более статной и красивой, чем сейчас. А Яр был больше и сильнее всех душ в Элгороде, почти ровня мне. Но мне кажется, с тех пор как они каждый день работают в артели Руба, их формы стали иными. Они как будто съжились, ссутулились, ходят повесив голову и косятся на то, на что раньше смотрели прямо. Говорят, Яр теперь меньше Тука, который легким шагом ходит по дикому лесу и стоит расправив плечи.

Маб молча замерцала, как будто таким образом получала новое знание.

– Ты прав, – сказала она наконец. – Душа может претерпевать почти бесконечные изменения, если они происходят постепенно, день за днем.

Адама передернуло.

– Только подумать, что станет с Точилой и Яром, если они будут работать на Руба много лет.

– Да и с самим Рубом, – заметила Маб. – Его форма крупнеет.

Адам кивнул:

– Да, вначале он казался мне обычного роста. Теперь он вроде больше.

– Ты тоже меняешься, – сказала Маб. – И не в лучшую сторону.

Адама больно уязвили ее слова, но он мог лишь согласно кивнуть:

– Когда я впервые вошел к Скитальцу, мне пришлось наклонить голову под навесом крыльца. Но вчера я там был, и либо он поднял навес, либо я стал меньше.

– Он не поднимал навес, – сказала Маб.

Адам задумался:

– Кто знает, чем это кончится? В моем случае перемены медленные и незначительные, так что я их не замечал или не хотел замечать. Сейчас, глядя на безупречные формы двенадцати новых душ, я радуюсь, но мне горько думать, что их совершенство исчезнет, если они останутся здесь и будут жить как я.

Холодный ветер задувал под одежду, и Адам переступил с ноги на ногу. Он повернулся спиной к дому, где жил с семьей, и поглядел на восток – небо там вроде светлело, и Адам подумал, что занимается заря. Однако свет на востоке двигался гораздо быстрее, чем бывает на рассвете, и был как будто сосредоточен в одной точке, скользящей по небосводу в их сторону. Он пронесся высоко над Элохрамом и теперь спускался в долину. То был крылатый ангел из Элова воинства. Когда он сложил крылья и приземлился посреди Ста-

на, Адам узнал Гонца Эла. Гонец Эла был изящнее Эловых воинов и самый из них быстрый – кроме крыльев за спиной, у него были еще и крылышки на щиколотках. Однако, как и воины, он носил на бедре светозарный меч-молнию.

– Приветствую тебя, Адам, – сказал Гонец Эла. – Да будет тебе известно, что все, знавшие и любившие тебя и Еву, горюют, что вы больше не в Саду.

– Мы часто о нем вспоминаем, – признался Адам, – и о том, как там было хорошо. Однако скитания по Земле принесли нам мудрость, какую мы не обрели бы в Саду. Теперь мы знаем и умеем больше, чем раньше.

– Сдается, так и есть, – сказал Гонец Эла, – ибо нас достигли сведения, что сегодня на Земле есть двенадцать новых душ, которых не было вчера.

– Ваши сведения верны, – ответил Адам.

Гонец Эла кивнул.

– Меня отправили на них взглянуть, – объявил он.

Адам покосился на дом. Гонец Эла отметил, куда он смотрит.

– Сейчас Ева отдыхает после тяжелых трудов, а маленькие спят, – сказал Адам. – Твое сияние потревожит их покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.